

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<http://sthb.petrso.ru/>

№ 1(6). Декабрь, 2016

Главный редактор

Ю. М. Килин

Редакционный совет

В. Вамбхейм
Н. В. Дранникова
Ю. Корпела
К. Кроо
И. И. Муллонен
А. Л. Топорков
М. Юнгрен

Редакционная коллегия

В. Н. Захаров
В. А. Исаков
А. А. Котов
С. М. Лойтер
Л. П. Михайлова
А. М. Пашков
А. В. Рожкова
И. Р. Такала
С. Н. Чернов
И. А. Чернякова
Н. Г. Шарапенкова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.

E-mail: studhbor@petrso.ru

<http://sthb.petrso.ru/>

Содержание № 1. 2016.

ИСТОРИЯ

- Кулагин О. И. **Роль органов общегосударственного планирования в развитии регионального лесопромышленного комплекса во второй половине 1940-х - 1980-е гг.** 4 - 15

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Смирнова А. А., Федоров В. В. **Соотношение понятий «мир» и «нейтралитет» во внешней политике Швеции** 16 - 27

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Qadir A. **Higher education, the global governors, and epistemic governance** 28 - 35

ЭКОНОМИКА

- Питухина М. А. **Новые тренды в научной и инновационной политике в странах северной Европы: уроки для России** 36 - 45

ФИЛОЛОГИЯ

- Романовская И. В. **Роль обложки в презентации и рецепции произведений А. Платонова в Швеции** 46 - 55

Рецензии

- Килин Ю. М. **Рецензия на кн.: Näin Suomea Viedään. Vs-kustannus, Alajärvi, 2015. 258 S. (Так Финляндию втягивают [в военный союз])** 56 - 69

- Смирнова А. А. **Рецензия на кн.: Analysing social policy concepts and language. comparative and transnational perspectives, ed. by D. Beland, K. Petersen. BRISTOL: POLICY PRESS, 2015. 327 P. («Анализ концепций и языка социальной политики. Сравнительные и транснациональные подходы» под ред. Д. Беланда и К. Петерсена)** 70 - 75

УДК 94(47).084.9 : 330

Роль органов общегосударственного планирования в развитии регионального лесопромышленного комплекса во второй половине 1940-х – 1980-е гг.

**КУЛАГИН
Олег
Игоревич**

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, olkulagin@yandex.ru*

Ключевые слова:

Госплан
региональный лесопромышленный комплекс
вторая половина 1940-х – 1980-е гг

Аннотация:

Данная статья посвящена исследованию роли одного из ключевых элементов советской экономической системы – Госплана в развитии регионального лесопромышленного комплекса (ЛПК). Рассматриваемый период второй половины 1940-х – 1980-х гг. стал временем как очевидных достижений, так и периодом нарастания кризисных явлений, в том числе в сфере промышленного производства. Лесопромышленный комплекс не стал в данном случае исключением, накопив за эти годы множество проблем, главными из которых стало нерациональное использование лесного фонда, ускоренное выбытие производственных мощностей, отставание в развитии социальной инфраструктуры от темпов производственного строительства. В силу более близкого знакомства с региональными социально-экономическими проблемами Карелии, сложности развития регионального ЛПК были очевидны для региональных плановых органов в лице Государственной плановой комиссии при СНК КАССР (Госплан КАССР). Стремление следовать общегосударственным интересам в ущерб отраслевым, проблемы планирования и контроля за выполнением планируемых показателей привели в итоге к формированию системных проблем в развитии советской лесной экономики, в том числе на региональном уровне.

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 27 декабря 2016 года

Органы общегосударственного планирования в лице Госплана СССР являлись важнейшим субъектом советской экономики. Ими, в частности, осуществлялась разработка планов развития народного хозяйства и представление их на рассмотрение правительства и утверждение сессий Верховного Совета СССР, определявших основные направления экономической политики, выработанной партией и правительством. В то же время Госплан СССР осуществлял методическое руководство планированием, подготавливал обязательные для всех министерств, ведомств и предприятий методические указания и положения по планированию, осуществлял контроль над ходом подготовки и

Кулагин О. И. Роль органов общегосударственного планирования в развитии регионального лесопромышленного комплекса во второй половине 1940-х – 1980-е гг. // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 4–15.

обоснования планов, координировал и регулировал требуемые для выполнения народнохозяйственного плана производственные связи и тем самым выступая в качестве исполнительно-распорядительного органа управления [26; 56]. На Госплан СССР была возложена ответственность за состояние планирования в народном хозяйстве, за экономическую обоснованность разрабатываемых проектов планов развития. Решения функциональных органов, имеющих «надведомственные» полномочия, были обязательны для всех отраслевых министерств.

В то же время, на протяжении практически всего периода существовавшая в стране система планирования производственных показателей, в том числе, относящаяся к отраслям ЛПК, имела ряд проблем и особенностей. По мнению Р. М. Нуреева и Ю. В. Латова, центральные плановые органы были не в состоянии охватить все народно-хозяйственные пропорции. Например, к 1980 г. Госплан регулировал не более 5 % всех пропорций экономики СССР. Более детально государственный план дорабатывался путем применения стандартных нормативов, основанных на прошлом опыте. Как правило, ставилась задача наращивать производство исходя от достигнутого уровня, отталкиваясь не от реального совокупного спроса на тот или иной вид продукции, а от экономических показателей, которыми завершился предыдущий плановый период. Окончательная доводка и исправление плана проводились в ходе реализации плановых заданий, которые предписывалось выполнять «любой ценой». По мнению этих авторов, планы фактически никогда не выполнялись [25; 378–379].

В последние годы деятельность Госплана стала объектом изучения исследователей из разных областей знания. Серьезное внимание в своих работах деятельности Госплана уделяет в своих работах В. Л. Некрасов [23], который в частности отметил, что, например, реформа Госплана СССР 1955 г., как, впрочем, и остальные реформы данного института, осталась на периферии внимания новейшей российской и зарубежной историографии «хрущевских» реформ. При этом автор приходит к выводу, что Госплан СССР был мощным носителем практик сталинской модели хозяйствования, против которой объективно были направлены реорганизации 1955–1957 гг. [24].

А. Р. Гапсаламов в своем исследовании отмечает, что в структуре управления советской промышленностью возникли и прижились межотраслевые органы, возникшие из потребностей отраслевой специализации. К таковым относился и Госплан СССР. Спецификой деятельности этих органов являлось то, что сфера воздействия их управленческих решений была ограничена определенными локальными рамками и не затрагивала все отрасли промышленности в целом [20; 7].

А. И. Шевельков исследовал роль Госплана в развитии сельского хозяйства в СССР во второй половине 1960-х гг. Автор, в частности, приходит к выводу, что к концу 1960-х гг. Госплан СССР выступал против резкого увеличения объемов финансирования аграрного сектора экономики в силу отсутствия эффективности. Однако, под давлением руководителей профильных союзных министерств и ведомств, Политбюро ЦК КПСС приняло решение о значительном увеличении финансирования сельского хозяйства страны, что впоследствии не имело почти никакого значимого экономического эффекта [29; 192–193].

А. С. Лежнева в своей работе отмечает, что все практические попытки реформирования планового механизма предприятий в начале 1980-х гг. не были успешными. При этом термин «плановая анархия» стал использоваться уже в 1983 г. По мнению автора, возможно, этот термин отражает сущность плановых отношений, сложившихся в СССР в это время [22; 96].

Большой пласт информации о проблемах развития республики и ее ЛПК в военные и послевоенные годы представлен в книге Л. П. Кицы [21]. Ценность представленного автором материала определяется тем, что автор, прошедший путь от инженера до Председателя Госплана КАССР, непосредственно участвовал в принятии решений по вопросу строительства и дальнейшего развития ведущих предприятий республики. Основой книги стали дневниковые записи Л. П. Кицы, которые снабжены большим количеством выдержек из документов.

Особенности трансформаций в системе управления ЛПК и лесным хозяйством, произошедших, в том числе, в эти годы и их последствия были подробно исследованы И. Р. Шегельманом [30], [31], [32].

Рассматриваемый период второй половины 1940-х – 1980-х гг. стал временем, когда регулирующая роль органов общегосударственного планирования являлась не только фактором развития советской экономики в целом, но и социально-экономического развития отдельных регионов. Лесопромышленный комплекс Карелии не был в данном случае исключением.

В рамках сталинской экономической системы второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. Госплан СССР выполнял, прежде всего, функцию жесткого контроля за выполнением поставленных государством показателей. Сразу после окончания войны, в конце июня 1945 г., была закончена проверка хода выполнения Постановления СНК СССР от 24 апреля 1945 г. № 872 «О мероприятиях по

Кулагин О. И. Роль органов общегосударственного планирования в развитии регионального лесопромышленного комплекса во второй половине 1940-х – 1980-е гг. // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 4–15.

увеличению лесозаготовок Наркомлеса Карело-Финской ССР». Материал проверки был представлен в Госплан СССР на имя Председателя Государственного планового комитета при Совете Министров СССР Н. А. Вознесенского. Проверкой, проведенной Уполномоченным Госпланом СССР по Карело-Финской ССР, было вскрыто невыполнение указанного постановления рядом организаций и, главным образом, обязательств, поставленных Наркомлесом СССР перед предприятиями республиканского Наркомлеса. На это было обращено внимание Наркомлеса и Совнаркома союзной республики [12; 10].

В дальнейшем функция контроля за выполнением плановых показателей, анализ и критика их невыполнения осталась одной из приоритетных. В 1950 г. заместителю Председателя Совета министров СССР М. Г. Первухину поступило письмо от заместителя Председателя Госплана СССР С. Демидова о работе целлюлозно-бумажной промышленности Министерства лесной и бумажной промышленности (далее – Минлесбумпром) СССР в 1949 г. и 1 квартале 1950 г., согласно которому, наряду с количественным выполнением плана, ассортиментный план производства бумаги и картона был не выполнен. Из 94 сортов бумаги план был выполнен только по 67 сортам. По мнению Госплана, руководящие работники министерства и главных управлений мало бывали на предприятиях и стройках, не оказывали им необходимой помощи: пусковые стройки не обеспечивались своевременно необходимыми материально-техническими ресурсами и балансовой древесиной [13; 203–204].

Госплан становился также объектом просьб со стороны Минлесбумпрома, так как выделяемые им финансовые средства были явно недостаточны для нормальной работы его предприятий. В письме 1952 г. министра Г. М. Орлова на имя заместителя председателя Совета Министров СССР М. Г. Первухина указывалось, что отсутствие жилой площади и необходимых культурно-бытовых условий вызывали недопустимую текучесть рабочих постоянного кадра с предприятий ЛПК. По мнению министра, вследствие недостатка капитальных вложений, объем жилищного строительства за истекшие годы установился в несколько раз меньше действительной потребности. В силу этих обстоятельств, по мнению министра, на набор рабочей силы в лесозаготовительную промышленность государством бесполезно тратились огромные средства, так как из-за недостатка жилья две трети принимаемых рабочих через несколько месяцев покидали работу в лесу [19; 54]. Письмо Г. М. Орлова заканчивалось просьбой поручить Госплану СССР и Минфину СССР рассмотреть к 10 сентября 1952 г. вопрос о выделении Минлеспрому СССР дополнительных капитальных вложений, а Госснабу СССР – о выделении строительных материалов [19; 56–58].

В послесталинский период региональные элиты стали усиливать свое политическое и экономическое влияние. По мнению, Р. Г. Пихоя, эти элиты, являясь составной частью бюрократической системы согласований, отстаивали групповые интересы внутри партийно-государственной элиты [27; 4]. В то же время усилению региональных элит способствовала внутривластная борьба за власть в правящей элите между преемниками И. В. Сталина [28; 183]. В изменившейся институциональной среде промышленные предприятия все больше стремились реализовывать тактику, которая заключалась в «выбивании» в министерстве фондов на капитальные вложения, получение повышенных лимитов на сырье, и обеспечение необходимой численностью работников. Это делалось с целью страховки на случай возможных сбоев в поставках или корректировки плана выпуска. Будучи не в состоянии получить детальную информацию относительно производственных возможностей предприятий, плановые органы выбирали в качестве основного метода планирования "от достигнутого уровня", когда планом на следующий год выступали увеличенные на определенную величину показатели, достигнутые предприятием в предыдущем году. Данное явление получило название инерционного эффекта или "эффекта храповика" (ratchet effect).

Ведя себя оппортунистически, директора намеренно занижали производственные возможности своего предприятия, чтобы ценой меньших усилий выполнить план текущего года и не получить слишком высокий план на следующий год [33]. Так, в проектах пятилетнего плана 6-й пятилетки, представленных в 1955 г., леспромысловые заводы заложили рост объема лесозаготовок на 22%, Министерство лесной промышленности СССР наметило рост лесозаготовок на 33 %, а в проекте Госплана СССР предусматривалось увеличение на 44 % [8; 3]. Таким образом, представление руководящего Министерства о реальных производственных возможностях предприятий представляло собой нечто среднее между позицией Госплана СССР и представлением о собственных возможностях самих предприятий.

В эти же годы со всей очевидностью проявились особенности функционирования Госплана СССР и Госплана КАССР. При рассмотрении проекта плана на год, подготавливаемого Госпланом СССР, всегда возникали разногласия с союзными республиками, которые жаловались на недостаток средств. Кроме того, проект долго обсуждался в различных отделах ЦК КПСС, вносящих предложения и замечания,

Кулагин О. И. Роль органов общегосударственного планирования в развитии регионального лесопромышленного комплекса во второй половине 1940-х – 1980-е гг. // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 4–15.

чаще всего не обеспеченные финансовыми средствами. В Госплане КАССР все проекты рассматривались по каждому предприятию отдельно и, при наличии значительных расхождений с контрольными цифрами, республиканский Госплан передавал свои предложения в вышестоящие органы. В случае принципиальных расхождений, представители Госплана республики вместе с руководителями предприятий выезжали в Москву, в особо важных случаях подключая секретарей обкомов [21; 80–82].

В 1960-х гг. Госплан продолжал осуществлять контроль за деятельностью предприятий ЛПК. В частности, в 1965 г. проверкой было установлено, что многие поручения и задания ЦК КПСС, Совмина СССР и СНХ СССР Гослескомитетом выполнялись несвоевременно. В 1964 г. из 164 поручений и заданий 36, или 22 %, не были выполнены в установленные сроки. Разрешение на продление сроков Комитет у Правительства не запрашивал. Более того, Комитетом были допущены факты самовольного изменения сроков выполнения отдельных поручений и заданий. Например, ЦК КПСС и Совмин СССР Постановлением от 22 апреля 1964 г. № 346 обязали Комитет обеспечить разработку комплексных проектных заданий на расширение Балахнинского, Котласского, Архангельского, Кондопожского и Комсомольского комбинатов до 1 марта 1965 г. Однако при этом Комитетом в феврале 1965 г. без разрешения ЦК КПСС и Совмина подведомственным институтам были установлены более поздние сроки разработки и утверждения техдокументации [1; 4].

В 1960-е гг., по мере дальнейшего исчерпания лесных ресурсов региона, одним из принципиальных вопросов для карельской административно-партийной элиты во взаимодействии с центральными элитами стала проблема рационального использования лесного фонда – основного фактора устойчивого развития региона. Карельский обком КПСС неоднократно ставил вопрос перед вышестоящими планирующими и директивными органами «о недопустимом истреблении лесов» на территории республики. Однако Госплан СССР, Совнархоз и Госплан РСФСР и Северо-Западный совнархоз практически не прислушивались к сигналам Карельского обкома и продолжали из года в год наращивать темпы лесозаготовок на территории республики. За 1961–1964 гг. на территории республики было вырублено 74,2 миллиона кубометров, в 1965 г. отведено было в рубку 19,2 миллиона кубометров [2; 49].

В силу более близкого знакомства с региональными социально-экономическими проблемами в наиболее явном виде сложности развития регионального ЛПК были очевидны для Государственной плановой комиссии при СНК КАССР (Госплан КАССР). Уже в 1965 г. на партийном собрании Государственной плановой комиссии при СНК КАССР было, в частности, высказана обеспокоенность тем, что контрольные цифры, спущенные из Москвы, предусматривали объем вывозки древесины на уровне плана 1964 г. С такими показателями Госплан Карельской АССР не мог согласиться, так как в связи с истощением сырьевой базы, объем вывозки древесины на конец пятилетки должен был сократиться. Как следствие, должно было произойти и сокращение выпуска валовой продукции. В сложившейся ситуации республиканская плановая комиссия должна была учесть, кроме прочего, фактор возможного уменьшения межобластных поставок круглого леса, так как от этого зависел объем лесопиления в регионе. В проекте пятилетнего плана предусматривалась при этом полная переработка древесины, за счет чего выпуск валовой продукции сохранялся на уровне достигнутого [4; 2]. В данном случае региональная плановая комиссия оказывалась между двух огней. С одной стороны, необходимо было учесть те показатели, которые спускались сверху Госпланом СССР, с другой – максимально учесть интересы региональной экономики и, в частности, отраслей ЛПК.

Это противоречие отражалось также в том, что, даже имея более полную картину развития республики, Республиканская плановая комиссия так или иначе вынуждена была отражать в своей работе общую для Госплана СССР тенденцию к предложению более высоких цифр при планировании производственных показателей. Например, на заседании Республиканской плановой комиссии при СНК КАССР 17 октября 1965 г., в частности, отмечалось, что в представленном Комиссией плане на 1966–1970 гг. темп роста был запланирован на 35 % ниже показателей, достигнутых в предыдущей пятилетке. Несмотря на то, что Комиссия внесла на рассмотрение Карельского обкома КПСС показатели с большими темпами роста, руководство Совнархоза настояло на более низких показателях, в большей степени отстаивая интересы республики с точки зрения сохранения лесного сырья для региональных предприятий. ([4; 81].

Бороться за снижение объемов лесозаготовок, в том числе Госплану КАССР, пришлось до конца 1980-х гг., так как несмотря на принятые решения, планы по лесозаготовкам, спускавшиеся из Москвы, снижали объем рубок карельского леса в чрезвычайно малых объемах [21; 106].

Одной из проблем развития региональной лесной экономики были просчеты, допущенные на уровне общегосударственного планирования. В 1967 и 1968 гг. на предприятиях Министерств имели

Кулагин О. И. Роль органов общегосударственного планирования в развитии регионального лесопромышленного комплекса во второй половине 1940-х – 1980-е гг. // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 4–15.

место перебои в финансировании жилищного строительства в связи с отказом контор Стройбанка СССР принимать к финансированию титульные списки, в которых объемы капитальных вложений не обеспечивали потребностей ввода в действие жилой площади в размерах, установленных утвержденным планом, которые, в свою очередь, не были обеспечены Госпланом СССР [11; 242].

Выделенные же Госпланом СССР объемы централизованных капитальных вложений на жилищное строительство в 1969 г. не обеспечивало ввод жилой площади в объеме 51 тыс. м². С учетом распределения строительства жилых домов по экономическим районам, затраты на один квадратный метр жилой площади по Минлеспрому СССР на объектах собственного строительства составили 138 руб. и по Минбумпрому – 186 руб. При этом Министерства неоднократно докладывали Совмину СССР, что Госпланом СССР не выполнялось Постановление Совмина СССР от 10 июня 1967 г. № 643 в части выделения капитальных вложений на строительство общеобразовательных школ для предприятий Минлеспрома, расположенных вне городов. Для указанных целей Министерства вынуждены были привлекать капитальные вложения, предусмотренные на промышленное строительство. В результате Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности и Министерство целлюлозно-бумажной промышленности просили поручить Госплану СССР дополнительно рассмотреть проект плана на 1969 г. и внести необходимые изменения [11; 242, 244].

В эти же годы республиканский Госплан вынужден был фиксировать и явные проблемы регионального социально-экономического развития. При обсуждении письма ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «Об улучшении использования резервов производства и усилении режима экономии в народном хозяйстве», Госплан КАСР отмечал, что в 1969 г. в республике 1/3 предприятий не справились с выполнением планов. 55 промышленных предприятий республики допустили опережение роста фонда заработной платы к росту производительности труда [5; 7].

Другая проблема, на которую обращал внимание республиканский Госплан, была связана с усилением бюрократизации в управлении экономикой. С конца 1960-х гг. руководящие союзные министерства и ведомства все больше стремились к отстаиванию своих узковедомственных интересов перед лицом центральных партийных органов, а также органов общегосударственного планирования, одновременно теряя эффективность управления своими собственными производственными объединениями и предприятиями. Данная тенденция привела к тому, что интересы данных объединений и предприятий на местах наиболее активно начали отстаивать сами регионы в лице местных партийно-административных элит. Необходимость выполнения производственных планов, а также ответственность предприятий в создании и поддержании социальной инфраструктуры, вынуждали местные партийно-административные элиты становиться главными «защитниками» интересов промышленных предприятий.

Примером сложившейся ситуации может служить случай, когда в 1970 г. Карельский обком КПСС обратился в Совмин СССР с просьбой поручить Минлеспрому и Госплану оказать помощь объединению «Кареллеспром», и лишь в результате этой просьбы профильное министерство согласилось выделить на декабрь 1970 г. объединению дополнительно 5 автобусов, 14 грузовых и 3 легковых автомобиля [3; 68].

Необходимо отметить, что Госплан СССР старался также учитывать в известных пределах интересы и пожелания как отраслевых, так и территориальных субъектов хозяйственного процесса. К примеру, при разработке плана развития лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР на 1971 г. учитывались предложения министерств, ведомств и Советов Министров союзных республик, а также предварительные предложения по основным показателям развития народного хозяйства страны, одобренные Коллегией общесоюзного Госплана. Предусматривалось при этом дальнейшее снижение переруба расчетной лесосеки и развитие лесозаготовок и деревопереработки в многолесных районах. По предварительным расчетам переруб расчетной лесосеки в 1971 г. в отдельных районах должен был уменьшиться до 17–18 млн. куб против 21 млн. куб. по плану 1970 г. [14; 1-1а, 43].

Согласование в рамках Госплана СССР различных интересов было характерно и для сферы лесного хозяйства. В объяснительной записке к проекту плана развития лесного хозяйства на 1976 г. указывалось, что данный проект был разработан в соответствии с постановлением Совмина СССР от 29 апреля 1975 г. № 348 и приказом Госплана СССР № 50 от 12 мая 1975 г., а также на основе проектов планов, представленных Гослесхозом СССР, Минлеспромом СССР, другими министерствами и ведомствами СССР, а также Советами Министров союзных республик, с учетом итогов выполнения плана за 1974 г. и ожидаемого выполнения за 1975 г. По всем союзным республикам отпуск леса на 1976 г. был предусмотрен в пределах утвержденной расчетной лесосеки. Однако по ряду областей Европейской части СССР и Урала предполагалось еще оставить перерубы расчетной лесосеки, которые

Кулагин О. И. Роль органов общегосударственного планирования в развитии регионального лесопромышленного комплекса во второй половине 1940-х – 1980-е гг. // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 4–15.

должны были составить расчетно по КАССР – 2,5 млн. куб. (21 %), Вологодской области – 0,5 млн., Кировской области – 0,7, Марийской АССР – 0,45 (29 %), Чувашской АССР – 0,15 (14 %), Свердловской области – 0,4 млн. [15; 2–3, 8–9].

В итоге, имея информацию об острых проблемах в развитии отраслей ЛПК и лесном хозяйстве, Госплан СССР мог лишь корректировать некоторые цифры, но предусмотреть действенный механизм решения указанных проблем не был способен.

При этом Госплан СССР становился, в том числе, местом разрешения ведомственных споров. В 1975 г. министр транспортного строительства В. О. Архипцев в своем письме просил Госплан рассмотреть возможность распространить на лесозаготовительные предприятия его ведомства действие Постановления Совета Министров СССР от 14 января 1971 г. № 2 «О порядке продажи деловой древесины колхозам и совхозам, направившим колхозников и рабочих совхозов на лесозаготовительные и лесосплавные работы». Привлечение министерствами и ведомствами рабочих из колхозов и совхозов РФ реализовывалось Совмином РСФСР. Госплан СССР рассмотрел совместно с Госснабом СССР и Минлеспромом просьбу Минтрансстроя.

В целях сохранения преимущественного положения основных заготовителей, Госплан посчитал нецелесообразным распространять действие указанного постановления Совмина на Минтрансстрой в силу того, что данное министерство заготавливало древесину лишь для собственных нужд, его удельный вес в общем объеме составлял всего лишь 0,6 % и развивать эту отрасль в составе министерства Госплан не намечал [16; 115–117]. В данном случае объективное желание государства в лице Госплана СССР поддержать основных заготовителей древесины для выполнения ими плановых показателей, установленных государством, совпало с ведомственными интересами Минлеспрома, не желающего делиться с другими министерствами таким дефицитным ресурсом как рабочая сила.

Особую роль в территориально-экономических исследованиях, связанных с разработкой Генеральных схем развития и размещения производительных сил, включая промышленные предприятия, сыграл Совет по изучению производительных сил (СОПС), который с 1960 по 1991 г. входил в систему Госплана СССР. Именно в рамках исследований, проводившихся СОПС, в Карелии в отличие от других регионов северо-запада страны, планировалось создание промышленных предприятий почти исключительно принадлежавших к ЛПК [9; 27–28]. При расчетах и прогнозировании запасов древесного сырья на длительную перспективу не учитывался качественный состав лесных ресурсов. В результате объективно оценить запасы древесного сырья по отдельным регионам не представлялось возможным [10; 11]. Главным итогом просчетов в работе Госплана СССР и СОПС стало в последующем закрытие некоторых региональных лесопромышленных предприятий и, как следствие, значительного количества лесных поселков, которые стали заложниками данных ошибок в планировании. Если в 1959 г., по данным Всесоюзного лесопромышленного объединения «Кареллеспром», в республике было 347 лесных поселков, то уже в 1966 г. – 294, а к 1988 г. – 126 [4; 26–28].

Стратегической ошибкой государства на протяжении десятков лет было преимущественное внимание к развитию производственной сферы в ущерб жилищно-коммунальному хозяйству. В 1970-х гг. данный «перекос» стал предметом особенно острого беспокойства не только региональной партийно-административной и хозяйственной элит, но и Госплана КАССР. На одном из заседаний в 1975 г. председатель Госплана КАССР К. Ф. Филатов, кроме прочего, отмечал, что при подведении квартальных итогов выполнения плана, необходимо было внимательно анализировать статистические данные, ход выполнения годовых и пятилетних планов. Занимаясь такого рода анализом глава регионального Госплана пришел к выводу, что за 9 месяцев 1975 г. по капитальному строительству и по сравнению с предыдущим годом объем строительно-монтажных работ вырос на 10%, в том числе в промышленном строительстве – на 17%. В то же время, по показателям социально-культурного и жилищного строительства республика отстала, сократился ввод жилых домов [6; 47, 50]. На другом заседании парторганизации Госплана КАССР 20 ноября 1975 г. после доклада Председателя Госплана КАССР К. Ф. Филатова было принято решение при проработке материалов и подготовке предложений по плану на 1976 г. по министерствам и ведомствам обратить особое внимание на улучшение в республике капитального строительства, особенно жилья, объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения, увеличение производства товаров народного потребления, сбалансирование денежных доходов и расходов населения, расширение бытового обслуживания населения [6; 88–90].

Более того, в 9-й пятилетке (1971–1975 гг.) Карелия заняла последнее место по показателям жилищного строительства среди всех регионов северо-запада – 1533 тыс. кв. метров (4,77 % от всей жилой площади, построенной в северо-западном экономическом районе РСФСР) [9; 47–48]. В период

Кулагин О. И. Роль органов общегосударственного планирования в развитии регионального лесопромышленного комплекса во второй половине 1940-х – 1980-е гг. // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 4–15.

1980-х гг. отставание Карелии по объемам жилищного строительства сохранилось. В 11-й пятилетке в Карелии было введено в действие 1875 тыс. квадратных метров общей жилой площади – самый низкий показатель среди всех регионов Северного и Северо-Западного экономических районов РСФСР [10; 98-100].

В 1970-х – 1980-х гг. Госплан СССР оставался местом урегулирования интересов отраслевых и территориальных органов в области управления экономикой и в отношении освоения лесных ресурсов, в частности. В то же время о наличии у некоторых территориальных органов управления сильного лобби при урегулировании вопросов об использовании лесных ресурсов свидетельствуют протоколы заседаний Госплана СССР.

На совещании в Госплане 5 июля 1980 г., где присутствовали представители Советов министров УССР, Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР, а также отделов Госплана СССР, по поручению Совмина СССР обсуждался вопрос о размере расчетных лесосек на 1981–1990 гг. с учетом имеющихся решений и указаний ЦК КПСС и Совмина СССР по вопросам использования лесосырьевых ресурсов в Европейской части страны. В результате совещание посчитало необходимым отметить, что Госкомитет СССР по лесному хозяйству в связи с возражением Советов Министров ряда союзных республик, утвердил расчетные лесосеки на 1981–1990 гг. меньше против рекомендованных Государственной экспертной комиссией Госплана СССР (постановление от 15 августа 1979 № 19) по УССР (по зоне деятельности Минлесхоза республики) на 478 тыс. куб, Литовской ССР на 188 тыс., Латвийской на 183 тыс., Эстонской 135 тыс. куб.

Учитывая состояние лесосырьевых ресурсов указанных союзных республик, а также организацию национального парка (в Литовской ССР), размеры потребления древесины за счет ее завоза из других районов страны, было принято согласованное с Советами Министров Украинской, Литовской, Эстонской ССР решение об установлении расчетной лесосеки на 1981–1990 гг. в уменьшенных размерах: по УССР – 6000 тыс. куб., по Литовской ССР – 1638 тыс. куб. (с 1983 г.), по Эстонской ССР – 1510 тыс. куб. [17; 20–21]. Карельская АССР не имела таких же возможностей и административного веса при отстаивании своей позиции по сохранению региональных лесосырьевых ресурсов.

К сожалению, посредничество руководства РСФСР в решении острой региональной проблемы Карелии в диалоге с союзной властью нельзя назвать эффективным. Во-первых, в составе РСФСР имелось немало «проблемных» регионов, которым также надо было помогать, а средств на все явно не хватало. Во-вторых, помогать напрямую отдельным республиканским лесопромышленным предприятиями и объединениям было затруднительно по причине того, что большинство их находилось в союзном ведении и подчинении. К таковым, например, относилось самое крупное лесопромышленное объединение «Кареллеспром». Нарушать административно-хозяйственную или партийную субординацию было выходом за пределы неформальных правил функционирования советского административного рынка согласований. В-третьих, интересы руководства РСФСР часто шли вразрез как с целями союзного центра, так и устремлениями регионов.

Для Госплана КАССР к 1980 г. наиболее острой проблемой, в том числе применительно к развитию регионального ЛПК, оставалось развитие жилищно-бытовой сферы и сохранения трудовых ресурсов. На заседании партийной организации Госплана КАССР 11 декабря 1980 г. отмечалось, что на жилищное и социально-культурное строительство в 1981 г. в КАССР предполагалось направить 100 млн. рублей. При этом в сельской местности допускалось отставание в строительстве инженерных сетей. На этом же заседании председатель Совмина КАССР А. А. Кочетков отметил тяжелую ситуацию с трудовыми ресурсами в республике [7; 60–61, 66–67].

В то же время Госплан СССР, сохраняя за собой функцию контроля, продолжал критиковать Минлесбумпром СССР за невыполнение производственного плана. На заседании в Госплане от 5 июля 1985 г., посвященном ходу выполнения предприятиями Минлесбумпрома СССР плана производства продукции в январе-июне 1985 г., в ответ на критику со стороны Госплана, касавшуюся невыполнения плана производства крупных лесоматериалов, Минлесбумпром указал Госплану на отсутствие сбалансированности в показателях спускаемых сверху самими органами государственного планирования. Анализ отчетных материалов и данных проверок, проведенный Госпланом на местах показал, что невыполнение плана производства деловой древесины и круглых материалов объяснялся значительными потерями при заготовке и транспортировке древесины, некачественной раскряжевкой и сортировкой, а также использованием круглых лесоматериалов не по назначению [18; 97–98].

Госпланом также был подвергнут критике контроль состояния лесовосстановления, приводимый Министерством. В отчетах по многим объектам было отражено неудовлетворительное ведение в лесхозах учета текущих изменений в лесном фонде. Причем, к числу объектов с большими

Кулагин О. И. Роль органов общегосударственного планирования в развитии регионального лесопромышленного комплекса во второй половине 1940-х – 1980-е гг. // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 4–15.

отклонениями данных учета лесного фонда (УФЛ) от данных МСМ (математико-статистический метод) были отнесены регионы, которые в то время стали территориями наиболее активной лесозаготовки: Пермская, Ульяновская, Архангельская, Горьковская области, а также Карельская и Коми республики [18; 149].

В эти же годы Госплан КАССР продолжал всячески отстаивать интересы собственного региона. По воспоминаниям Л. П. Кицы, осенью 1984 г. работникам Госплана КАССР пришлось очередной раз доказывать не только в Минлесбумпроме СССР, но и в Госплане СССР необходимость сокращения объемов заготовки древесины до уровня расчетной лесосеки [21; 370–371].

Проведенный анализ деятельности органов общегосударственного планирования на уровне как страны, так и региона позволяет сделать вывод о трансформации их функций в течение рассматриваемого периода. В условиях сталинской экономики второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. региональный Госплан был прямым проводником политики Центра и Госплана СССР, одной из главных задач которых было регулирование процесса выполнения плановых показателей. К началу 1960-х гг. с усилением политического и экономического влияния региональных элит, в силу их более близкого знакомства с социально-экономическими проблемами региональных ЛПК, выработки с течением лет механизма взаимосогласованных решений при активном участии всех экономических субъектов, включая руководителей предприятий, способствовали превращению Госплана КАССР в часть региональной административно-хозяйственной элиты. Данное положение позволяло республиканскому Госплану более рационально регулировать развитие региональной лесной экономики. Одним из главных индикаторов сформировавшегося в эти годы различия в позициях Госплана СССР и Госплана КАССР было отношение к сохранению республиканского лесного фонда, за сохранение которого Государственная плановая комиссия при СНК КАССР боролась с переменным успехом до конца 1980-х гг.

Своеобразным итогом данной борьбы стало то, что к 1985 г. леса Карелии занимали 7,4 % покрытой лесом площади СССР и 36,0 % – европейской части РСФСР. В общем запасе спелых и перестойных насаждений и лесопокрытой площади на долю Карельской АССР приходилось всего 11,1 и 14,5 %, что ставило регион на предпоследнее место по Северному экономическому району страны по данному показателю. За предыдущие 20 лет объем производства в лесной промышленности снизился в Карельской АССР на 15 %, что также стало одним из самых худших показателей среди всех северных регионов северо-запада СССР. [18; 70–71].

Таким образом борьба за сохранение лесного фонда Карелии была, по сути, проиграна, что стало причиной деформаций в социальной и экономической инфраструктуре региона. Уничтожение лесосырьевого потенциала республики не было компенсировано адекватными объемами капитальных вложений в другие отрасли экономики региона. В то же время борьба за карельский лес стала важным фрагментом борьбы между центральными и региональными органами государственного планирования, в которой последние не смогли эффективно отстоять свою позицию по планомерному сокращению лесозаготовок в республике и созданию специализированных предприятий по глубокой переработке древесины. Результатом всего вышеперечисленного явилось сохранение хронического переруба расчетной лесосеки в регионе и, как следствие, формирование предпосылок к началу 1990-х гг. превращения республики в территорию с существенно исчерпанным природным и социально-экономическим потенциалом. Последнее обстоятельство не могло не сказаться на перспективах развития Карелии в период экономических реформ, когда сырьевая составляющая зачастую становилась основным фактором устойчивого развития того или иного региона в отсутствие системной государственной поддержки.

Работа выполнена при финансовой поддержке программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 787.
2. Национальный архив Республики Карелии (далее – НАРК). Ф. П-3. Оп. 16. Д. 139.

Кулагин О. И. Роль органов общегосударственного планирования в развитии регионального лесопромышленного комплекса во второй половине 1940-х – 1980-е гг. // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 4–15.

3. НАРК. Ф. П-3. Оп. 21. Д. 134.
4. НАРК. Ф. П-59. Оп. 5. Д. 9.
5. НАРК. Ф. П-59. Оп. 5. Д. 14.
6. НАРК. Ф. Р-59. Оп. 5. Д. 19.
7. НАРК. Ф. П-59. Оп. 5. Д. 24.
8. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 355. Оп. 1. Д. 64.
9. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 772.
10. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1765.
11. РГАЭ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 22.
12. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 153.
13. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 50. Д. 518.
14. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3741.
15. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7032.
16. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7301.
17. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 3093.
18. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 6710.
19. РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 1037.

Литература

1. Гапсаламов А. Р. Система управления промышленностью Советского Союза: теоретический аспект // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Выпуск 6. ноябрь – декабрь 2013. С. 1–14.
2. Кица Л. П. Как это было... : из дневника председателя Госплана Карелии. Петрозаводск: «Скандинавия», 2006. 640 с.
3. Лежнева А. С. План, предприятие и Госплан СССР: планирование или плановая анархия? (1970-е — начало 1980-х годов) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. т. 14. № 3. С. 94–98.
4. Некрасов В. Л. Должность председателя Госплана СССР в системе высшего политического руководства (1955–1964 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 66–70.
5. Некрасов В. Л. Реформа Госплана СССР 1955 г.: разработка новой модели планирования экономики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 99–103.
6. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития): монография. Калининград: Изд-во РГУ им. Канта, 2010. 531 с.
7. Основы научного управления социалистической экономикой / Под ред. Г. И. Зинченко, Д. И. Правдина, А. А. Синягова. М.: Мысль, 1977. 383 с.
8. Пихоя Р. Г. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 4.
9. Хромов Е. А. Региональные элиты в СССР в конце 1950 – середине 1960-х гг. к постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 183–186.
10. Шевельков А. И. Роль Госплана СССР в формировании аграрной политики и развитии сельского хозяйства СССР. Вторая половина 1960-х гг. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 183–194.
11. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.
12. Шегельман И. Р. Лесозаготовки и лесное хозяйство: трансформации 1946–1960 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 204 с.
13. Шегельман И. Р., Кулагин О. И. Лесозаготовки и лесное хозяйство: трансформации (1917–1930 гг.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 70 с.
14. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Под ред. д.э.н., проф. Р. М. Нуреева. Издание второе исправленное, дополненное. В трех частях. Часть вторая. Фирмы современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/461/693/1219/ch7.pdf>, свободный (Дата обращения 20.09.2016).

REFERENCES

ARCHIVAL SOURCES

1. State Archive of the Russian Federation (hereinafter – the State Archive) [Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (dalee – GARF)]. F. R-9527. Op. 1. D. 787.
2. National Archive of the Republic of Karelia (hereinafter – NARK) [Natsional'nyy arkhiv Respubliki Karelii (dalee – NARK)]. F. P-3. Op. 16. D. 139.

3. NARK. F. P-3. Op. 21. D. 134.
4. NARK. F. P-59. Op. 5. D. 9.
5. NARK. F. P-59. Op. 5. D. 14.
6. NARK. F. R-59. Op. 5. D. 19.
7. NARK. F. P-59. Op. 5. D. 24.
8. Russian State Archives of Economics (hereinafter – RSAE). [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ehkonomiki (dalee – RGAE)]. F. 355. Op. 1. D. 64.
9. RGAE. F. 399. Op. 3. D. 772.
10. RGAE. F. 399. Op. 3. D. 1765.
11. RGAE. F. 566. Op. 1. D. 22.
12. RGAE. F. 4372. Op. 46. D. 153.
13. RGAE. F. 4372. Op. 50. D. 518.
14. RGAE. F. 4372. Op. 66. D. 3741.
15. RGAE. F. 4372. Op. 66. D. 7032.
16. RGAE. F. 4372. Op. 66. D. 7301.
17. RGAE. F. 4372. Op. 67. D. 3093.
18. RGAE. F. 4372. Op. 67. D. 6710.
19. RGAE. F. 7637. Op. 1. D. 1037.

LITERATURE

1. Gapsalamov A. R. The management system in industry of the Soviet Union: Theoretical Aspect [Sistema upravleniya promyshlennost'yu Sovetskogo Soyuza: teoreticheskiy aspekt] Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE» [Internet Journal "Science studies"]. Issue 6. November – December 2013. P. 1-14.
2. Kitsa L. P. As it was ...: diary of Karelia Chairman of the State Planning Committee [Kak eto bylo... : iz dnevnika predsedatelya Gosplana Karelii]. Petrozavodsk: "Scandinavia", 2006. 640 p.
3. Lezhneva A. Plan, enterprise and the USSR State Planning Committee: planning or planned anarchy? (1970s – early 1980s) [Plan, predpriyatye i Gosplan SSSR: planirovanie ili planovaya anarkhiya? (1970-e — nachalo 1980-h godov)]. Vestnik JuUrGU. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki» [Bulletin of South Ural State University. A series "Social and Humanities"]. 2014. Vol. 14. № 3. P. 94-98.
4. Nekrasov V. L. The post of chairman of Gosplan in the system of top political leadership (1955–1964) [Dolzhnost' predsedatelya Gosplana SSSR v sisteme vysshego politicheskogo rukovodstva (1955–1964 gg.)]. Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanitarian sciences in Siberia]. 2012. № 4. P. 66-70.
5. Nekrasov V. L. Reform of Gosplan 1955: development of a new model of economic planning [Reforma Gosplana SSSR 1955 g.: razrabotka novoy modeli planirovaniya ekonomiki]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]. 2013. № 368. P. 99–103.
6. Nureev R. M., Latov Ju. V. Russia and Europe: path dependence effect (the experience of institutional analysis of the history of economic development): monograph [Rossiya i Evropa: effekt kolei (opyt institutsional'nogo analiza istorii ekonomicheskogo razvitiya): monografiya]. Kaliningrad: Immanuel. Kant Publ., 2010. 531 p.
7. Basics of scientific management of the socialist economy / ed. G. I. Zinchenko, D. I. Pravdina, A. A. Sinyagova [Osnovy nauchnogo upravleniya sotsialisticheskoy ekonomikoy / Pod red. G. I. Zinchenko, D. I. Pravdina, A. A. Sinjagova]. M.: Thought Publ., 1977. 383 p.
8. Pihoya R. G. About internal political struggle of the Soviet leadership. 1945–1958 [O vnutripoliticheskoy bor'be v sovetskom rukovodstve. 1945–1958 gg.] Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 1995. № 6. P. 4.
9. Khromov E. A. Regional elites in USSR in the late 1950s – the mid-1960s. To the formulation of the problem [Regional'nye elity v SSSR v kontse 1950 – seredine 1960-kh gg. K postanovke voprosa]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]. 2009. № 323. P. 183–186.
10. Shevelkov A. I. The role of Gosplan in the formation of agrarian policy and the development of agriculture in the USSR. The second half of the 1960s [Rol' Gosplana SSSR v formirovanii agrarnoy politiki i razvitiya sel'skogo hozyaystva SSSR. Vtoraya polovina 1960-kh gg.]. Vestnik arhivista [Bulletin of Archivist]. 2012. № 4. P. 183-194.
11. Shegel'man I. R. Forest Transformations (XV–XXI centuries.) [Lesnye transformatsii (XV–XXI vv.)]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2008. 240 p.
12. Shegel'man I. R. Logging and forestry: the transformation of 1946–1960 gg. [Lesozagotovki i lesnoe hozyaystvo: transformatsii 1946–1960 gg.]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2011. 204 p.
13. Shegel'man I. R., Kulagin O. I. Logging and forestry: Transformation (1917–1930) [Lesozagotovki i lesnoe hozyaystvo: transformatsii (1917–1930 gg.)]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2015. 70 p.
14. Economic subjects of post-Soviet Russia (institutional analysis). Ed. prof. R. M. Nureyev. 2nd ed., revised and enlarged. Three parts. Part two. Companies of modern Russia [Ekonomicheskie sub'ekty

Кулагин О. И. Роль органов общегосударственного планирования в развитии регионального лесопромышленного комплекса во второй половине 1940-х – 1980-е гг. // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 4-15.

postsovetskoy Rossii (institutsional'nyy analiz). Pod. red. d.je.n. prof. R. M. Nureeva. Izdanie второе исправленное, дополненное. V trekh chastyakh. Chast' vtoraya. Firmy sovremennoy Rossii]. [Electronic resource]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/461/693/1219/ch7.pdf> (accessed 20 September 2016).

Role of the state planning in the development of the regional forestry complex in the second half of the 1940s - 1980s.

KULAGIN

Oleg

*PhD in History,
Associate Professor, Department of Russian History,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, olkulagin@yandex.ru*

Keywords:

Gosplan
regional timber industry complex
the second half of the 1940s - 1980s.

Summary:

This article is devoted to the study of the role of one of the key elements of the Soviet economic system - the State Planning Commission in developing the regional timber industry complex. Considered period of 1940 - 1980s was a time of obvious achievements, as well as the period of the rise of the crisis, including the sphere of industrial production. Timber complex was no exception in this case, having accumulated over the years a lot of problems: the irrational use of forest resources, the accelerated outflow of production capacity, the lag in the development of social infrastructure compared to the pace of industrial development. Problems of Karelia in the most explicit form of the complexity of the regional timber industry were evident for regional planning authorities, represented by the State Planning Commission at SNK KASSR (Gosplan KASSR) due to better knowledge of the regional socio-economic challenges. Aspiration to follow general Soviet state's interests at the expense of the industry, the problem of planning and monitoring the implementation of the planned indicators eventually led to the formation of systemic problems in the development of the Soviet forest economy, including the regional level.

УДК 327.36

Соотношение понятий «мир» и «нейтралитет» во внешней политике Швеции

СМИРНОВА
Александра
Александровна

*Преподаватель,
кафедра зарубежной истории, политологии
и международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия,
alexandrasmirnova11@gmail.com*

ФЕДОРОВ
Владислав
Вадимович

*Студент 4-го курса направления подготовки
«международные отношения»,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений, Институт истории,
политических и социальных наук, Петрозаводский
государственный университет,
Петрозаводск, Россия, vfks8f@mail.ru*

Ключевые слова:

Швеция
нейтралитет
политика обеспечения мира
мирные исследования
интернационализм
холодная война
международные организации

Аннотация:

В условиях современной мировой политики вопросы обеспечения мира требуют участия все большего числа акторов. В связи с этим актуальным представляется вопрос о вкладе нейтральных государств в миротворческую деятельность. В данной статье проблема сочетания понятий нейтралитета и мира рассматривается на примере внешней политики Швеции. Эти явления анализируются с точки зрения социального конструктивизма и критических мирных исследований. Особое внимание уделяется шведскому внешнеполитическому курсу в период холодной войны, на который пришлось оформление политики нейтралитета как социальной нормы, и в современный период, в рамках которого происходит отказ от этого курса. В статье определяются предпосылки политики обеспечения мира и нейтралитета, а также характерные черты каждого из периодов. Делается общий вывод о том, что особенностью шведского нейтралитета является его активная направленность на трансформацию международной политики, продвижение универсальных ценностей, посредничество между Востоком и Западом, решение проблемы Север-Юг и предотвращение конфликтов. Однако нейтралитет имеет ограниченный миротворческий потенциал так как необходимость обеспечения обороноспособности Швеции привела к развитию военной отрасли и превращению страны в одного из крупнейших экспортеров оружия.

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 27 декабря 2016 года

Трансформация системы международных отношений и процесс глобализации привели к росту взаимозависимости акторов мировой политики. В связи с этим ответственность за решение насущных проблем, в том числе обеспечение мира, ложится на все мировое сообщество. Особый интерес представляет политика нейтралитета, провозглашаемая некоторыми государствами, к числу которых традиционно относится и Швеция. Выбор политики нейтралитета является сложным, неоднозначным решением. С одной стороны, в истории нейтралитет нередко преподносился как политика слабости и нерешительности, с другой стороны, выбор нейтрального курса можно расценивать как осмысленный выбор государства в пользу построения мира. Актуальным представляется вопрос о взаимосвязи политики нейтралитета и обеспечения мира.

В статье описываются основные этапы становления политики нейтралитета, особое внимание уделяется сравнению внешней политики Швеции в течение холодной войны и после ее окончания. Предметом исследования является вопрос соотношения реализации понятий «нейтралитет» и «мир» во внешней политике Швеции. Следует заметить, что среди нейтральных государств нет единого подхода к определению содержания нейтралитета и миротворческой политики. Данная статья посвящена особенностям только шведского подхода к этим явлениям.

По мнению авторов, шведский нейтралитет и мирная политика являются ярким примером того, как социальные нормы, институты и идеи влияют на формирование государственной идентичности, и таким образом создают установки и ограничения для политических действий. Теория социального конструктивизма [35], [5], [1] позволяет рассмотреть шведский нейтралитет как социальную норму, которая закреплялась в общественном сознании на протяжении истории. Другие, более традиционные подходы к изучению нейтралитета, такие как юридический и политический, не представляются актуальными в связи с исчезновением межгосударственных войн и биполярной системы международных отношений [2].

На сегодняшний день существуют основания, позволяющие подвергнуть критике реализацию Швецией провозглашенного ею нейтралитета на протяжении большей части истории этого государства. Одним из весомых аргументов, ставящих под сомнение «аутентичность» шведского нейтралитета, является тайное сотрудничество Швеции с США и Великобританией в период холодной войны [33]. Социальный конструктивизм позволяет рассмотреть шведский нейтралитет как проект партии социал-демократов, переросший в поддерживаемую гражданскими институтами концепцию, которая не исчезла из общественного сознания даже после окончания холодной войны и продолжает оказывать влияние на шведскую политическую идентичность. Столь важная роль нейтралитета в политическом дискурсе Швеции не позволяла ей открыто осуществлять военное сотрудничество.

В данной статье проблемы соотношения нейтралитета и мирной политики также интерпретируются с точки зрения критических мирных исследований. При этом следует заметить, что представители этого междисциплинарного направления не уделяли достаточного внимания данной проблематике, даже несмотря на очевидную связь нейтралитета и вопросов обеспечения мира. В 1989 г. П. Йоннниemi предложил следующие объяснения непопулярности «нейтралитета»:

- нейтральные государства способствуют сохранению статус-кво системы и препятствуют системным изменениям, даже если они позитивны;
- в отличие от движения неприсоединения нейтральные государства не противостоят гегемонистским трактовкам политики и международных отношений;
- нейтральные государства противостоят не только военным альянсам, но и процессам интеграции, которые могут усилить мир и безопасность;
- нейтралитет – концепция, тесно связанная с государственноцентризмом, изоляционизмом, а также приоритетом государственной идентичности в ущерб универсальным ценностям;
- обеспечение нейтралитета основывается на поддержке обороноспособности и подготовке к войне, что нередко приводит к доминированию военных кругов в управлении обществом.

П. Йоннниemi предположил, что отказ от милитаризма и проведение активной универсалистской политики может решить проблему недостатка «мира» в политике нейтралитета [15]. По мнению автора, на примере политики Швеции можно наблюдать попытки проведения активной и универсалистской политики, однако невозможно говорить об отказе от милитаризма.

Происхождение шведской политики мира и нейтралитета

Шведская политика нейтралитета уходит корнями в начало XIX в., однако точная дата до сих пор остается предметом споров. К. Аджиус относит начало шведской политики нейтралитета к 1814 г., когда сразу после успешной войны с Норвегией, будучи на тот момент кронпринцем, Карл XIV Юхан

объявил о формальном неприсоединении страны к военным блокам и неучастии в европейских войнах. Позднее данные принципы были закреплены в обращении Карла XIV Юхана к риксдагу в 1818 г. [1; 61]. Существует также точка зрения, согласно которой нейтральной Швеция стала лишь в 1834 г., когда Карл Юхан в преддверии войны по Восточному вопросу между Великобританией и Россией отправил соответствующие меморандумы правительствам обеих стран, в которых объявил о намерении Швеции сохранить нейтралитет в возможном конфликте [16; 5].

В любом случае, ключевым моментом в выборе внешнеполитического курса неучастия в войнах стало желание Карла XIV консолидировать общество создав, таким образом, условия для дальнейшего социального, экономического и политического развития государства. Эта политика преследовала более масштабную цель, чем просто сохранение суверенитета, и выходила за традиционные рамки реалистической парадигмы [1; 62]. При всем стремлении Карла XIV выбрать особый путь для Швеции его наследники с трудом могли жертвовать политическими интересами ради достижения мира. К примеру, Оскар I оказал поддержку Дании в войнах против Пруссии за Шлезвиг, отправив корпус добровольцев, но при этом воздержался от формального объявления войны.

Взаимосвязь мира и нейтралитета в Швеции прослеживается уже на начальных этапах ее истории. Точкой отсчета мирной политики Швеции считается 15 августа 1814 г. – первый день после подписания мирного договора с Норвегией в Моссе, после чего Швеция не принимала активного участия в войнах. Применяя терминологию Й. Галтунга, можно говорить о построении «негативного мира» [12] между Швецией и другими государствами, который длится уже более 200 лет.

Сохранению ориентации на нейтралитет и проведение мирной политики во многом способствовали общественные движения и деятельность элит. В 1883 г. в Швеции было образовано общество мира и арбитража. В 1880-е гг. эта организация и объединения в других Скандинавских странах активно призывали к отказу от войны, разоружению и верховенству международного права, а также к нейтралитету Северных стран. Позиция шведского общества мира и арбитража позднее получила поддержку таких влиятельных организаций как Международное бюро мира и Женская международная лига мира и свободы. Во второй половине XIX в. шведский нейтралитет активно поддерживали движение рабочих и социал-демократическая партия, разделяющие позиции антимилитаризма и международной солидарности рабочего класса. Позднее к ним присоединилось шведское женское движение в защиту мира [24; 23–25].

В 1905 г., когда Норвегия объявила о своей независимости, лишь активная кампания со стороны социал-демократов и некоторых представителей либерального движения смогла удержать правопоцентристские круги от военного вторжения. Первая мировая война, вследствие ее глобального характера, также поставила под вопрос политику нейтралитета – критике подвергся внешнеполитический курс Швеции, который рассматривался скорее как «дружественный» по отношению к Германии, нежели строго нейтральный [34; 110]. Похожая ситуация возникла в начале Второй мировой войны, когда после неудачных попыток предотвратить войну и создать систему коллективной безопасности, основанную на международном праве и руководстве Лиги Наций, Швеция вновь выбрала политику нейтралитета. Безусловно, шведская реализация принципов нейтралитета во Второй мировой войне может быть подвергнута критике. Известно, что Швеция сотрудничала с Германией, предоставив свою инфраструктуру (в частности, для перевозки немецкой 163-й пехотной дивизии в Финляндию), а также поставляя сырье и промышленную продукцию.

Следует также заметить, что политика нейтралитета во Второй мировой войне позволила Швеции сохранить свой суверенитет и большую по сравнению с Францией, Норвегией или Данией самостоятельность. Благодаря этому Швеции смогла, в частности, стать приютом для десятков тысяч евреев, преследуемых в Европе. Используя понятия теории реализма, можно сказать, что на тот момент шведский нейтралитет выполнил свою главную функцию – сохранил суверенитет в условиях сложившейся системы двух военных блоков [18; 189]. Еще одной «реалистской» функцией нейтралитета, использовавшейся Швецией, являлась возможность экономического сотрудничества с государствами, принадлежавшими к разным блокам.

При этом стоит подчеркнуть, что выбор постоянного нейтралитета не был свидетельством единодушия всех заинтересованных политических кругов. Начиная с XIX в., в политических дискуссиях высказывались опасения по поводу ухудшения имиджа страны, зависимости Швеции от воли крупных и агрессивных государств, критиковался отказ от войны как действенного, и даже естественного, инструмента политики [17; 102–107]. Отчасти поэтому шведское руководство стремилось к прагматизму и сохранению маневренности в рамках своего нейтрального курса, а также к обеспечению обороноспособности страны.

В то же время, с точки зрения пацифистских организаций и рабочего движения, выбор в пользу нейтралитета свидетельствовал о преданности Швеции идеям интернационализма и международной солидарности.

Политика мира и нейтралитета Швеции в период холодной войны

Как отмечает М. Мальмборг, именно в период холодной войны происходит процесс окончательного оформления нейтралитета в качестве государствообразующей идеи Швеции [17; 149]. Сразу после окончания Второй мировой войны Швеция попыталась создать систему северной безопасности, совместно с Норвегией, Исландией, Финляндией и Данией. В основу этой идеи планировалось положить принцип нейтралитета между двумя блоками, однако этот замысел не был реализован.

После этого, в 1949 г. шведский риксдаг сформулировал позицию нейтралитета во внешней политике, которая была определена как «политика неприсоединения к военным союзам в мирное время и нейтралитет в войне» [1; 104]. На данном этапе шведская модель безопасности включала в себя три условия: неприсоединение к военным блокам; независимая оборонная система; общественная поддержка. Данный курс получил название политики «надежного нейтралитета». Главным институтом, который страна намеревалась использовать для продвижения мира, стала ООН.

Середина XX в. ознаменовала для Швеции новую веху развития внешней политики. Для оценки «мирной» ориентации внешнеполитического курса можно обратиться к положениям, сформулированным Б. Офферманном, У. Альбрехтом и П. Йонниemi, которые предложили следующие три критерия: посредничество в разрешении конфликтов; оказание «добрых услуг» между двумя сторонами; продвижение принципа универсализма, сущность которого сводится к тому, что в мире существует множество проблем, и только совместные действия всех сторон могут способствовать их решению [3; 41]. Во многом официальная международная деятельность Швеции свидетельствует о соответствии этим критериям.

В 1951 г. Швеция воздержалась от голосования в Генеральной Ассамблее по поводу санкций против Китая, войска которого приняли участие в войне в Корее, в 1953 г. Генеральным Секретарем ООН стал Д. Хаммаршельд, отказавшийся от жесткой дипломатии в отношении Индии и Пакистана из-за начавшегося конфликта в Кашмире. На Корейском полуострове Швеция разместила полевой госпиталь для раненых, организовав также совместно с Швейцарией Контрольную комиссию нейтральных государств для урегулирования отношений между Северной и Южной Кореей. Швеция была также вовлечена в ряд операций по обеспечению мира, таких, например, как: операция ONUC в Конго (1960–1964 гг.) и операция UNCIP в Кашмире (1949 г.).

Вместе с тем, Швеция стала одним из первых государств, в которых проблемы войны и мира поднимались на академическом уровне: в 1964 г. по инициативе премьер-министра Т. Эрландера был создан Стокгольмский институт исследования проблем мира в честь 150-летия шведского нейтралитета, а также институт мирных исследований при Гётеборгском университете.

Ключевым пунктом в оказании «добрых услуг» Швецией стало установление сотрудничества между военными блоками, которые возглавляли СССР и США. После принятия доктрины «надежного нейтралитета» у страны появились проблемы с обеими сверхдержавами. Шведская сторона активно критиковала политику США во Вьетнаме, введение советских войск в Венгрию и Чехословакию, а также развязывание нового конфликта сверхдержав в Афганистане, что тяжело воспринималось в Москве и Вашингтоне. Тем не менее, усилия Швеции, направленные на сближение двух сторон, способствовали организации Стокгольмской конференции по вопросам окружающей среды в 1972 г. под эгидой ООН. Швеция также оказывала поддержку Финляндии в организации проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. Премьер-министр Швеции У. Пальме придавал большое значение нейтралитету во время холодной войны: «Наша политика нейтралитета предоставила нам возможность, но вместе с тем наделила ответственностью возвести мост между Западом и Востоком» [1; 109].

Принцип универсализма активно продвигался шведским руководством, зачастую совместно с Финляндией, также придерживавшейся политики нейтралитета. Швеция стала одним из лидеров международного движения за разоружение. В 1963 г. премьер-министр Т. Эрландер поддержал инициативу финского президента У. Кекконена по созданию безъядерной зоны на Севере Европы. Швеция также входила в Комитет восемнадцати государств по разоружению (1962–1968 гг.), который впоследствии подготовил проект Договора о нераспространении ядерного оружия. С 1972 г. страна принимала активное участие в работе Группы N+N (нейтральные и неприсоединившиеся государства) в рамках ОБСЕ.

При всем этом нельзя говорить о военно-политической независимости Швеции от других стран.

После Второй мировой войны симпатии шведских консервативных и военных элит были на стороне США. О. Тунандер пишет о произошедшем в те годы расколе между «политической Швецией» и «военной Швецией». В рамках компромисса с политической властью, представляемой социал-демократами, этим группам было разрешено проводить неофициальные переговоры и консультации с должностными лицами США, что создавало почву для сотрудничества Швеции и НАТО в случае нападения СССР [33].

В рамках ООН шведское руководство стремилось расширить помощь наименее развитым странам, а также способствовать ускоренной интеграции в мировую политику государств, получивших независимость в результате процесса деколонизации. У. Пальме поддерживал стремление глобального Юга создать Новый международный экономический порядок, в рамках которого планировалось установить равные возможности торговли, предоставить дополнительные льготы со стороны международных экономических институтов (МВФ, ВБ), а также подписать Хартию экономических прав и обязанностей государств. Несмотря на то, что Хартия была подписана в 1974 г., и в ее рамках развивающиеся страны получили определенные финансовые и торговые привилегии, усилия по созданию качественно новой экономической системы были в недостаточной мере поддержаны главными акторами – развитыми государствами [1; 114].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что политика нейтралитета Швеции во времена холодной войны во многом соответствовала определению «мирная», поскольку представляла собой совокупность мер, направленных не просто на сохранение собственного суверенитета, но и на стабилизацию международных отношений. Действия шведского руководства демонстрировали идеалистическую функцию нейтралитета – отрицание войны как способа разрешения споров между странами и содействие мирному решению конфликтов [14; 119]. В то время как система военных блоков ограничивала круг акторов развитыми в экономическом и военном плане государствами, Швеция стремилась увеличить число участников международного политического процесса за счет расширения повестки дня и акцента на общие глобальные принципы, объединяющие страны [22; 571]. Исследования, проведенные У. Бьерельдом и В. Якобсеном, показали, что в период с 1945 по 1990 г. Швеция входила в группу семи наиболее активных миротворцев на международной арене [6; 326]. По мнению Б. Офферманна, У. Альбрехта и П. Йонниemi, только Швеция из всех стран, придерживавшихся политики нейтралитета во время холодной войны, является примером того, как нейтралитет способен содействовать миру. Это стало возможным благодаря исторической практике, неприсоединению к военным организациям, а также проведению последовательной политики с опорой на международное право [3; 39].

Можно заключить, что несмотря на неоднозначное отношение стран двух блоков к политике Швеции, а также на тайную деятельность военных кругов, именно провозглашаемый Швецией нейтралитет позволил этой стране претендовать на статус одного из наиболее влиятельных миротворцев. Л. Готшел отмечает, что в этот период на международную политику Швеции и других скандинавских государств продолжала оказывать влияние идеология социал-демократических партий. Идеи солидарности рабочего класса и борьбы с бедностью нашли отражение в политике помощи странам глобального Юга [13; 268]. Таким образом, нейтралитет Швеции использовался не только для обеспечения «негативного мира», но и для борьбы со «структурным насилием» на международной арене. Можно предположить, что на уровне инициатив внешняя политика Швеции была ориентирована на построение «структурного мира» между странами [12].

Проблематика мира и нейтралитета Швеции после холодной войны

Распад СССР, углубление европейской интеграции, а также усиление глобализации в современной системе международных отношений спровоцировали волну критики политики нейтралитета как внутри шведского общества, так и в рамках мирового сообщества. Критика стала звучать чаще, по мере того как Швеция сталкивалась с экономическими трудностями. Социал-демократическая партия, в течение большей части XX века отстаивавшая курс на нейтралитет, стала терять влияние в обществе, уступая лидерство центристским партиям.

Несмотря на падение популярности левых, тем не менее, политика нейтралитета представлялась единственно возможным, по мнению большинства шведов, внешнеполитическим курсом [34; 76]. Согласно К. Девайн, современный этап наглядно демонстрирует то, каким образом закрепленная в прошлом практика нейтралитета определяет нынешний политический курс [8; 360]. М. Мальмборг объясняет это тем, что нейтралитет трансформировался в государствообразующую идею, ставшую неотъемлемой частью шведской идентичности [17; 149]. Данную особенность не могло не учитывать и сменившее социал-демократическую партию коалиционное правительство, которое было нацелено на

скорейшую интеграцию с ЕС и усиление сотрудничества с НАТО. Таким образом, руководство страны столкнулось с необходимостью переосмысления своей политики в системе, в которой для «нейтралитета [больше] нет места» [20].

Одним из наиболее активных сторонников отказа от идеи шведского нейтралитета стал К. Бильдт. Будучи министром иностранных дел, в одном из интервью в 2014 г. он заявил о том, что Швеция должна активно сотрудничать для продвижения мира, и что страна не может довольствоваться сложившимся положением дел, поскольку «во многих местах до мира еще очень далеко» [23].

В академическом сообществе имидж Швеции как мирного актора был поддержан концепцией «Северного мира» (Nordic Peace), которая основывается на идее о мирном характере взаимоотношений Финляндии, Дании, Исландии, Норвегии и Швеции в Северо-европейском регионе, в результате чего они образуют «зону мира». В статье, вышедшей в 1996 г., один из сторонников этой концепции К. Арчер выделил пять критериев, согласно которым определенный регион можно назвать «зоной мира»: отсутствие межгосударственных конфликтов в регионе; отсутствие конфликтов с государствами других регионов; отсутствие гражданских войн; отсутствие военных операций в других регионах (за исключением случаев, когда они санкционированы); мирные ожидания населения [4; 452].

Известно, что Норвегия, Исландия и Дания являются частью Североатлантического альянса, Дания, Швеция и Финляндия входят в состав Евросоюза, и все эти государства входят в Северо-европейское оборонное сотрудничество (NORDEFCO). По мнению К. Арчера, одним из факторов, определяющих миролюбивость региона, является политика руководителей этих государств.

Формальное отсутствие войн Швеции с другими странами с 1814 г., равно как и отсутствие внутригосударственных кризисов, позволяют подробнее остановиться на четвертом и пятом пунктах К. Арчера. Участие Швеции в международных операциях осуществляется в рамках таких институтов как ЕС, НАТО, NORDEFCO и ООН. Следует подчеркнуть, что из-за взаимодействия с международными институтами политика Швеции более не является нейтральной в традиционном понимании – в 2003 г. термин «нейтралитет» в официальной риторике был заменен на более узкое определение «неприсоединение к военным альянсам» [29; 199].

Сотрудничество Швеции с европейскими институтами началось еще в 1960 г., когда открывшиеся перспективы экономического партнерства обусловили вступление страны в ЕАСТ. В 1972 г. Швеция подписала договор о свободной торговле с ЕС, исключив любую возможность политического сотрудничества. Тем не менее, экономическая стагнация и мировые кризисы заставили шведское руководство пересмотреть свои взгляды на европейскую интеграцию, и в 1995 г. страна вступила в ЕС [9; 6]. Сотрудничество в экономике не рассматривалось как препятствие для нейтралитета, однако неопределенность вызывала вторая опора ЕС – общая внешняя политика и политика безопасности. Сразу после того как были озвучены планы по углублению интеграции с включением ЗЕС в структуры ЕС, возникла проблема, каким образом Швеция сможет продолжать политику нейтралитета, взяв на себя обязательства по обеспечению коллективной безопасности.

Шведское руководство не могло не считаться с мнением своих граждан, поэтому в преддверии подписания Амстердамского договора 1997 г. оно настояло на том, чтобы в рамках ЕС были разделены функции обороны и безопасности. Согласно Петерсбергским задачам, «безопасность» включала в себя миссии по урегулированию конфликтов («crisis management»), в то время как «оборона» включала систему коллективной безопасности [8; 351]. Ниццкий договор продолжил интеграцию ЗЕС, а Лиссабонский договор завершил процесс оформления внешней политики и политики безопасности Евросоюза. Статьи 42 (1) и 43 (1) договора подчеркивают, что ЕС может без мандата ООН осуществлять различного рода «совместные операции по разоружению; гуманитарные миссии и миссии по эвакуации; миссии, связанные с предоставлением советов и содействия в военной сфере; миссии по предотвращению конфликтов и поддержанию мира; миссии боевых подразделений по урегулированию кризисов, в том числе миссии по восстановлению мира и стабилизационные операции по окончании конфликтов» [7]. В статье 42 (7) Лиссабонского договора указывается, что «в случае, если государство-член подвергнется вооруженной агрессии на своей территории, другие государства-члены должны оказать ему помощь и содействие всеми возможными для них способами [7]». Тем не менее, в статье 42 (7) прописана оговорка, что «это не затрагивает особого характера политики безопасности и обороны некоторых государств-членов», – тем самым сохраняется пространство и для политики нейтралитета.

Швеция присоединилась к программе НАТО «Партнерство ради мира» в 1994 г., а в следующем году начала реализацию программы «Процесс планирования и анализа» (Planning and Review Process). В 1997 г. страна вступила в Совет Евро-Атлантического Сотрудничества, инициированного НАТО в

качестве вспомогательного института для решения глобальных проблем безопасности. Шведское руководство также одобрило участие страны в нескольких гуманитарных операциях, в частности в Афганистане и на Балканах, которые были санкционированы ООН [19]. Помимо этого, продолжается военное сотрудничество между НАТО и Швецией. Страна участвует в военных учениях, а также регулярно делает взносы в Целевой Фонд в рамках программы «Партнерство ради мира» (NATO/PFP Trust Fund Project), основными задачами которого являются помощь в реализации пунктов международных конвенций (уничтожение запрещенных международными конвенциями видов оружия), а также содействие в организации оборонной политики стран-партнеров [32]. По мнению Т. Форсберга и Т. Ваахторанта, Швеция рассматривает НАТО в качестве дополнительного инструмента обеспечения безопасности в рамках миссий по урегулированию конфликтов («crisis management»), а активное сотрудничество объясняется необходимостью влиять на процесс принятия решений в рамках организации [11; 75]. В 1990-е гг. у Швеции появилась возможность вступления в НАТО, однако, по мнению руководства государства, нейтральный статус позволяет сотрудничать в области обеспечения мира на равных условиях с наиболее активными государствами, оставаясь при этом в стороне от участия в военных блоках и не принимая на себя излишние взаимные обязательства [10; 477].

В настоящее время наблюдается дальнейшее сближение Швеции с НАТО, одним из примеров чего стало подписание 4 сентября 2014 г. и ратификация 25 мая 2016 г. Меморандума о взаимопонимании о присоединении государства к программе Североатлантического альянса Поддержка принимающей стороны.

Североевропейское оборонное сотрудничество (NORDEF) было основано в 2009 г., когда правительства Дании, Швеции, Финляндии, Исландии и Норвегии подписали Меморандум о понимании. Организация включает в себя три составляющие: NORDCAP, занимающаяся вопросами координации политик Северных государств для обеспечения мира, и NORDSUP и NORDAC, затрагивающие взаимодействие министерств обороны и обмен технологиями [30]. Северные страны, входящие в эту организацию, осуществляют сотрудничество по вопросам военных возможностей, образования, совместных учений, проведения гуманитарных миссий и управления. Ключевой целью взаимодействия в рамках NORDEF является гуманитарная операция в Афганистане [31].

На современном этапе ООН остается важной площадкой для международной деятельности Швеции по обеспечению мира. В рамках ООН осуществляются операции по установлению и поддержанию мира, направленные на защиту мирного населения и прекращение боевых действий.

Приоритетным направлением для Швеции является предотвращение конфликтов, страна активно участвует в работе Посреднической группы ООН (UN Mediation Support Unit) и поддерживает инициативу ООН «обязанность защищать». Страна участвует в поддержании мира, к примеру, в рамках Многопрофильной комплексной миссии ООН в Мали (2013 г.), Миссии ООН в Судане (2011 г.) и Миссии ООН в Либерии (2003 г.). Кроме того, Швеция поддерживает работу Фонда и Комиссии по миростроительству, а также инициативы по обеспечению гендерного равенства и устойчивого развития [27]. Приоритетными направлениями также являются изменение климата, разоружение и нераспространение ядерного оружия, гуманитарные операции, международное право, права человека, противодействие терроризму и санкции [25].

Поскольку Швеция небольшое государство, международные организации и институты являются площадками, которые она использует для оказания влияния на политику других стран. Исследование А. Бьеркдаль показало, что Швеция активно использует такие институты как ООН и ЕС с целью оказать воздействие на политические нормы. Ярким примером влияния Швеции на международную повестку дня является деятельность по популяризации мер предотвращения конфликтов. Страна продвигала «превентивную дипломатию» с середины XX в., а после окончания холодной войны данная проблематика получила еще большее одобрение со стороны других государств, в особенности в рамках ЕС [6].

Даже если не обращать внимания на военное сотрудничество, легко заметить, что по своему культурно-историческому типу Швеция была изначально близка к западноевропейским государствам. Поэтому не удивительно, что шведское видение проблематики мира формулировалось в рамках дискурса «либерального мира», включающего такие характеристики как верховенство закона, веберовское государство, свободный рынок, демократия и права человека. В то же время негативными характеристиками данных ценностных установок являются идеи интервенций и превосходства западноевропейских ценностей [21].

Подводя итог, можно констатировать, что трактовка политики нейтралитета и мира существенно изменилась с окончания холодной войны. Произшедшее в этот период расширение проблематики

«безопасности» и «мира» способствовало отказу от нейтралитета как от устаревшего политического курса. Швеция стала активнее сотрудничать с различного рода международными институтами, в том числе и с военными, принимать участие в гуманитарных операциях совместно с другими странами, усилила партнерские связи с соседними государствами. Политический нейтралитет был заменен на «неприсоединение к военным альянсам», однако пятый критерий К. Арчера не утратил актуальность, поскольку общество до сих пор сохраняет веру в политику нейтралитета и связывает ее с мирной политикой [1; 182].

Заключение

Данная статья посвящена проблеме сочетания мира и нейтралитета во внешнеполитическом курсе Швеции. Было установлено, что еще на ранних этапах своего зарождения политика нейтралитета была связана с идеями обеспечения мира и предотвращения войн. Шведский нейтралитет нашел поддержку в лице представителей социал-демократической партии, движения рабочих, а также пацифистских организаций и интеллектуалов. В то же время, на протяжении своей истории данная политика была результатом компромисса политических сил внутри страны. Реализация нейтрального курса содержала прагматичные элементы: нейтралитет способствовал защите суверенитета, сохранению геополитического баланса в регионе, а также создавал возможности для экономического сотрудничества страны с враждующими государствами.

Оформление шведской политики нейтралитета произошло в период холодной войны, в это же время страна смогла закрепить за собой особую роль в международной деятельности по обеспечению мира. Легитимность Швеции во многом исходила из ее нейтрального статуса, длительной истории мира, а также отсутствия исходящих от нее угроз. Проведение гуманитарных операций под эгидой ООН, посредничество в решении конфликтов, опора на солидарность и универсальные ценности, объединяющие нации в рамках биполярной системы предоставляли государству особый моральный статус, позволявший критиковать страны, действовавшие с позиции силы и препятствовавшие установлению мира. По мнению специалистов, взаимосвязь нейтралитета и миротворческих амбиций Швеции была наиболее очевидной при руководстве У. Пальме. Однако в тот период в сфере управления наблюдался раскол на «политическую» и «военную Швецию», при этом деятельность последней была направлена на усиленное сотрудничество с НАТО.

В период после холодной войны отношение руководства страны к политике нейтралитета и видение миротворчества претерпели изменения. В результате Швеция сделала ставку на сближение с международными институтами, высоко оценив их деятельность по обеспечению безопасности (НАТО, NORDEFSCO) и мира (ЕС, ООН). В результате, в 2003 г. политика нейтралитета была заменена на «неприсоединение к военным альянсам», а трактовка проблем мира и насилия приблизилась к риторике других западных государств. Отказ от политического нейтралитета означал потерю Швеции своей уникальной роли посредника международного уровня, и усиление ориентации на изменение норм внутри международных организаций.

При этом особенностью современного периода является сохранение концепции нейтралитета в шведском и международном дискурсе. Благодаря длительной истории нейтралитета, а также активному продвижению этого курса социал-демократами как внутри страны, так и на международной арене, «мирная» ориентация политики и «нейтралитет» превратились в социальные нормы. Изменение этих норм требует значительных усилий и времени. Помимо этого, можно предположить, что сложившийся имидж нейтральной и «мирной» страны по-прежнему способствует легитимации политики Швеции и ее союзников. При этом данная трактовка нейтралитета Швеции упускает из виду некоторые негативные характеристики политики страны. Так, например, в 2015 г. Швеция заняла 11-е место в мире в рейтинге экспортеров вооружения [28], что, в целом не противоречит реалистской функции нейтралитета, однако плохо сочетается с политикой обеспечения мира.

Статус нейтрального государства использовался Швецией для продвижения мира, однако реализация политики нейтралитета наложила на это свои ограничения. Если вернуться к критике нейтралитета с позиции мирных исследований, сформулированной П. Йознниemi [15], то можно увидеть, что на протяжении XX в. Швеции удавалось преодолевать ограничения нейтралитета по ряду параметров. Так, ее нейтралитет носил активный характер, он использовался не только для избегания войн, но и для предотвращения конфликтов и влияния на других акторов. Политика социал-демократов позволила Швеции продвигать универсальные ценности, выступать в качестве посредника между Востоком и Западом, а также решать проблему Север-Юг. В то же время, нейтралитет не способствовал уменьшению роли военных кругов в международной деятельности Швеции.

Список источников и литературы:

1. Agius C. The social construction of Swedish neutrality. Manchester: Manchester University Press, 2006. 247 p.
2. Andrén N. On the Meaning and Uses of Neutrality // *Cooperation and Conflict*. 1991. Vol. 26. No. 2. P. 67–83.
3. Albrecht U., Auffermann B., Joenniemi P. Neutrality: the need for conceptual revision // *Tampere Peace Research Institute: Occasional Papers*. 1988. №. 35. P. 1–41.
4. Archer C. The Nordic area as a “zone of peace” // *Journal of Peace Research*. 1996. Vol. 33. №. 4. P. 451–467
5. Berger P. Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. NY: Anchor Books, 1967. 219 p.
6. Bjorkdahl A. Ideas and Norms in Swedish Peace Policy // *Swiss Political Science Review*. 2013. № 19(3). P. 322–337.
7. Consolidated version of the Treaty on European Union [Electronic resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A12012M%2FTXT>, свободный (Дата обращения 11.12.2016)
8. Devine K. Neutrality and the development of the European Union’s common security and defence policy: compatible or competing? // *Cooperation and Conflict*. 2011. Vol. 46. №. 3. P. 334–369.
9. Ellasson J. Traditions, identity and security: the legacy of neutrality in Finnish and Swedish security policies in the light of European integration // *European Integration online Papers*. 2004. Vol. 8. №. 6. P. 1–24.
10. Ferreira-Pereira L. C. Swedish Military Neutrality in the Post-Cold War: ‘Old Habits Die Hard’ // *Perspectives on European Politics and Society*. 2005. Vol. 6. №. 3. P. 463–489.
11. Forsberg T., Vaahtoranta T. Inside the EU, outside NATO: Paradoxes of Finland's and Sweden's post-neutrality // *European Security*. 2001. Vol. 10. №. 1. P. 68–93.
12. Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6. №. 3. P. 167–191.
13. Goetschel L. Bound to be peaceful? The changing approach of Western European small states to peace // *Swiss Political Science Review*. 2013. № 19(3). P. 259–278.
14. Goetschel L. Neutrality, a really dead concept? // *Cooperation and Conflict*. 1999. Vol. 34. №. 2. P. 115–139.
15. Joenniemi P. The Peace Potential of Neutrality: A Discursive Approach // *Bulletin of Peace Proposals*. 1989. Vol. 20. №. 2. P. 175–182.
16. Lindström G. Sweden’s security policy: engagement – the middle way // *Institute for Security Studies – Western European Union*. 1997. P. 1–57.
17. Malmberg M. Neutrality and state-building in Sweden. Houndmills: Palgrave, 2001. 226 p.
18. Morgenthau H. J. Dilemmas of politics. Chicago: University of Chicago Press, 1958. 390 p.
19. Relations with Sweden [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_52535.htm, свободный (Дата обращения 11.12.2016).
20. President Bush Gives Weekly Radio Address [Electronic resource]. URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/0309/27/se.01.html>, свободный (Дата обращения 11.12.2016).
21. Richmond O. P. Understanding the Liberal Peace [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/2974440/Understanding_the_Liberal_Peace, свободный (Дата обращения 12.12.2016).
22. Ruggie J. G. Multilateralism: the anatomy of an institution // *International Organization*. 1992. Vol. 46. №. 3. P. 561–598.
23. Rundquist S. Sweden Celebrates 200 Years of Peace [Electronic resource]. URL: <http://www.thelocal.se/20140815/sweden-celebrates-200-years-of-peace>, свободный (Дата обращения 11.12.2016).
24. Schweitzer C. Johansen J. To Prevent or Stop Wars: What Can Peace Movements Do? Ed: Irene Publishing, 2016. 133 p.
25. Statement of Government Policy in the Parliamentary Debate on Foreign Affairs [Electronic resource]. URL: <http://www.government.se/speeches/2016/02/statement-of-government-policy-in-the-parliamentary-debate-on-foreign-affairs-2016/>, свободный (Дата обращения 11.12.2016).
26. Sweden in the militarisation of the European Union [Electronic resource]. URL: http://www.oldsite.transnational.org/SAJT/pressinf/2000/pf109_SwedenEUmilit.html, свободный (Дата обращения 11.12.2016).
27. Sweden’s priorities in the UN [Electronic resource]. URL: <http://www.government.se/government-policy/sweden-and-the-un/swedens-priorities-in-the-un/>, свободный (Дата обращения 11.12.2016).
28. Swedish weapons exports in spotlight [Electronic resource]. URL:

- <http://www.thelocal.se/20150626/swedish-weapons-exports-in-global-spotlight>, свободный (Дата обращения 11.12.2016).
29. Tepe F. F. Swedish neutrality and its abandonment // *İstanbul Ticaret Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. 2007. Vol. 6. № 11. P. 183–201.
30. The basics about NORDEFSCO [Electronic resource]. URL: <http://www.nordefco.org/the-basics-about-nordefco>, свободный (Дата обращения 11.12.2016).
31. The Cooperation Areas [Electronic resource]. URL: <http://www.nordefco.org/The-Cooperation-Areas>, свободный (Дата обращения 11.12.2016).
32. The Position of the United States With Respect to Scandinavia [Electronic resource]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v03/d146>, свободный (Дата обращения 11.12.2016).
33. Trust Funds: supporting demilitarization and defence transformation projects [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_50082.htm, свободный (Дата обращения 11.12.2016).
34. Tunander O. The Uneasy Imbrication of Nation-State and NATO: The Case of Sweden // *Cooperation and Conflict*. 1999. № 34(2). P. 169–203.
35. Wahlbäck K. *The roots of Swedish neutrality*. Stockholm: Swedish Institute, 1986. 80 p.
36. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 452 p.

References

1. Agius C. *The social construction of Swedish neutrality*. Manchester: Manchester University Press, 2006. 247 p.
2. Andrén N. On the Meaning and Uses of Neutrality // *Cooperation and Conflict*. 1991. Vol. 26. No. 2. P. 67–83.
 1. Albrecht U., Auffermann B., Joenniemi P. Neutrality: the need for conceptual revision // *Tampere Peace Research Institute: Occasional Papers*. 1988. №. 35. P. 1–41.
 2. Archer C. The Nordic area as a “zone of peace” // *Journal of Peace Research*. 1996. Vol. 33. №. 4. P. 451–467
 3. Berger P. Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. NY: Anchor Books, 1967. 219 p.
 4. Bjorkdahl A. Ideas and Norms in Swedish Peace Policy // *Swiss Political Science Review*. 2013. № 19(3). P. 322–337.
 5. Consolidated version of the Treaty on European Union [Electronic resource]. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A12012M%2FTXT> (accessed 11 December 2016)
 6. Devine K. Neutrality and the development of the European Union’s common security and defence policy: compatible or competing? // *Cooperation and Conflict*. 2011. Vol. 46. №. 3. P. 334–369.
 7. Ellason J. Traditions, identity and security: the legacy of neutrality in Finnish and Swedish security policies in the light of European integration // *European Integration online Papers*. 2004. Vol. 8. №. 6. P. 1–24.
 8. Ferreira-Pereira L. C. Swedish Military Neutrality in the Post-Cold War: ‘Old Habits Die Hard’ // *Perspectives on European Politics and Society*. 2005. Vol. 6. №. 3. P. 463–489.
 9. Forsberg T., Vaahtoranta T. Inside the EU, outside NATO: Paradoxes of Finland's and Sweden's post-neutrality // *European Security*. 2001. Vol. 10. №. 1. P. 68–93.
 10. Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6. №. 3. P. 167–191.
 11. Goetschel L. Bound to be peaceful? The changing approach of Western European small states to peace // *Swiss Political Science Review*. 2013. № 19(3). P. 259–278.
 12. Goetschel L. Neutrality, a really dead concept? // *Cooperation and Conflict*. 1999. Vol. 34. №. 2. P. 115–139.
 13. Joenniemi P. The Peace Potential of Neutrality: A Discursive Approach // *Bulletin of Peace Proposals*. 1989. Vol. 20. №. 2. P. 175–182.
 14. Lindström G. Sweden’s security policy: engagement – the middle way // *Institute for Security Studies – Western European Union*. 1997. P. 1–57.
 15. Malmborg M. *Neutrality and state-building in Sweden*. Houndmills: Palgrave, 2001. 226 p.
 16. Morgenthau H. J. *Dilemmas of politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1958. 390 p.
 17. Relations with Sweden [Electronic resource]. Available at: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_52535.htm (accessed 11 December 2016).
 18. President Bush Gives Weekly Radio Address [Electronic resource]. Available at: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/0309/27/se.01.html> (accessed 11 December 2016).
 19. Richmond O. P. Understanding the Liberal Peace [Electronic resource]. Available at: https://www.academia.edu/2974440/Understanding_the_Liberal_Peace (accessed 12 December 2016).

20. Ruggie J. G. Multilateralism: the anatomy of an institution // *International Organization*. 1992. Vol. 46. №. 3. P. 561–598.
21. Rundquist S. Sweden Celebrates 200 Years of Peace [Electronic resource]. Available at: <http://www.thelocal.se/20140815/sweden-celebrates-200-years-of-peace> (accessed 11 December 2016).
22. Schweitzer C. Johansen J. *To Prevent or Stop Wars: What Can Peace Movements Do?* Ed: Irene Publishing, 2016. 133 p.
23. Statement of Government Policy in the Parliamentary Debate on Foreign Affairs [Electronic resource]. Available at: <http://www.government.se/speeches/2016/02/statement-of-government-policy-in-the-parliamentary-debate-on-foreign-affairs-2016/> (accessed 11 December 2016).
24. Sweden in the militarisation of the European Union [Electronic resource]. Available at: http://www.oldsite.transnational.org/SAJT/pressinf/2000/pf109_SwedenEUmilit.html (accessed 11 December 2016).
25. Sweden's priorities in the UN [Electronic resource]. Available at: <http://www.government.se/government-policy/sweden-and-the-un/swedens-priorities-in-the-un/> (accessed 11 December 2016).
26. Swedish weapons exports in spotlight [Electronic resource]. Available at: <http://www.thelocal.se/20150626/swedish-weapons-exports-in-global-spotlight> (accessed 11 December 2016).
27. Tepe F. F. Swedish neutrality and its abandonment // *İstanbul Ticaret Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. 2007. Vol. 6. № 11. P. 183–201.
28. The basics about NORDEFECO [Electronic resource]. Available at: <http://www.nordefco.org/the-basics-about-nordefco> (accessed 11 December 2016).
29. The Cooperation Areas [Electronic resource]. Available at: <http://www.nordefco.org/The-Cooperation-Areas> (accessed 11 December 2016).
30. The Position of the United States With Respect to Scandinavia [Electronic resource]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v03/d146>, свободный (Дата обращения 11.12.2016).
31. Trust Funds: supporting demilitarization and defence transformation projects [Electronic resource]. Available at: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_50082.htm (accessed 11 December 2016).
32. Tunander O. *The Uneasy Imbrication of Nation-State and NATO: The Case of Sweden // Cooperation and Conflict*. 1999. № 34(2). P. 169–203.
33. Wahlbäck K. *The roots of Swedish neutrality*. Stockholm: Swedish Institute, 1986. 80 p.
34. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 452 p.

Correlations between the concepts "peace" and "neutrality" in Sweden's foreign policy

SMIRNOVA
Alexandra

*Department of World History, Political Science and International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, alexandrasmirnova11@gmail.com*

FEDOROV
Vladislav

*4th year student of International Relations,
Department of World History, Political Science and International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, vfks8f@mail.ru*

Keywords:

Sweden
neutrality
peace policy
peace research
internationalism
Cold War
international organizations

Summary:

In the context of current world politics peacemaking requires participation of an increasing number of actors. This is why the question of the possible contribution of neutral states into peacebuilding activities appears relevant. This article examines the relationship of the "peace" and "neutrality" concepts as exemplified by Swedish foreign policy. These phenomena are analyzed from the perspective of Social Constructivism and Critical Peace Research. Special attention is given to the Swedish foreign policy during the Cold War, when the neutrality policy was formed as a social norm, and the contemporary period, during which a shift from neutrality is taking place. This article examines the background for Sweden's peace and neutrality policy, as well as characteristics of the two major periods. The general conclusion states that the distinguishing feature of Swedish neutrality is its active focus on the transformation of world politics, promotion of universal values, mediation between the East and West, struggle to soften the North-South division and conflict prevention. However, neutrality also demonstrates its peace-limiting potential: the need for self-defense has contributed to the development of the military sphere, turning Sweden into one of world's top arms exporters.

УДК 378.1

Higher education, the global governors, and epistemic governance

**QADIR
Ali**

*Doctor of Social Sciences
School of Social Sciences & Humanities,
University of Tampere, Finland, ali.qadir@uta.fi*

Ключевые слова:

Epistemic governance; higher education; reform; neoliberalism; sociological institutionalism

Аннотация:

Using a neo-institutionalist framework of epistemic governance, this paper reviews how individual universities and national systems of higher education globally are being reformed according to a global script. A number of global governors, such as intergovernmental organisations and INGOs, are involved in making and circulating these scripts. However, this perspective highlights that such governance is well-hidden. Most university managers or national policy-makers are not even aware of global governance that functions by working on how we perceive the world and what reforms are desirable. Driven by realist assumptions of the social world (as common in International Relations theories), analysts and activists tend to look at these global governors as power centres that dictate policy measures. Yet, the same analysts stumble against the obvious problem that these 'governors' are not governing in the traditional sense of the term. Rather, those reforming their own universities think according to the same global scripts, and generally believe it is a perfectly reasonable and locally appropriate way of reforming. This is one reason why the similar reforms keep taking place around the world despite considerable criticism. The framework of epistemic governance draws attention to systemic, worldwide patterns underlying the hidden politics of national higher education policies, such as massification and utilitarianism as analysed here.

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 27 декабря 2016 года

One of the conceptual founders of the modern university, Immanuel Kant, saw the university as comprising three faculties in constant and productive tension: 'pure' sciences (including natural and social sciences), 'applied' sciences (such as law and politics), and the 'arts' (including humanities such as philosophy, literature, and the fine arts) [14]. Kant's vision was that the tension amongst these faculties would produce new creations that would mark the university as a site of civilizational Culture (Bildung). But much has changed since the 18th century. Recent developments in modern universities have led in the opposite direction to Kant's vision. Universities are now more aptly described as centres of 'excellence', concentrating on form, instead of culture that concentrates on content [30], [34]. These developments are not restricted to just some 'leading' universities, say in North America or UK, but are intensely evident across northern Europe and increasingly around the world [8]. 21st century universities tend to prioritize quantifiable numbers of research publications and graduates rather than what those publications say or how those graduates behave, tend to focus on international rankings and global curricula rather than national relevance and local curricula, and tend to raise high academic walls separating sub-sub-disciplines while at the same time merging administrative units

Of course, many cultural and philosophical trends of late modernity also affect the university, and some of the above features have been identified as belonging to broader cultural trends [9], [10], [14]. Yet, we still need much greater understanding about how these diffuse philosophical trends translate into specific university reforms. Where is the modern university headed, and why? Why are universities looking so similar across northern Europe and elsewhere, and why are similar reforms enacted even though the material and cultural conditions in each case are so very different?

This paper seeks to address these broad questions by proposing a sociological perspective to locate and make sense of these trends. The analytical aim is to outline a theoretical framework that can guide future empirical examinations into particular universities. This framework builds on the perspective of sociological neo-institutionalism [22], [33]. Most research into higher education tends to focus on its minute managerial aspects, relying on evidence from particular, time- or space-bound environments. As a result, some of the larger trends and questions such as those above often remain unaddressed. By contrast, this paper sacrifices empirical depth in favour of theoretical breadth. As a comparative social theory argument, the paper thus relies less on precise statistics from one or even a few institutions. Rather, the empirical support is derived from secondary comparative data culled from the author's own research over the past years into higher education reform, as well as eventually be matched by empirical investigation into specific cases.

Trends in current university reforms

Massification

One of the most outstanding features of higher education is that there is much more of it across the world than ever before. Enrolment in higher educational institutions (HEIs) has grown exponentially across the world in the last century (Figure 1).

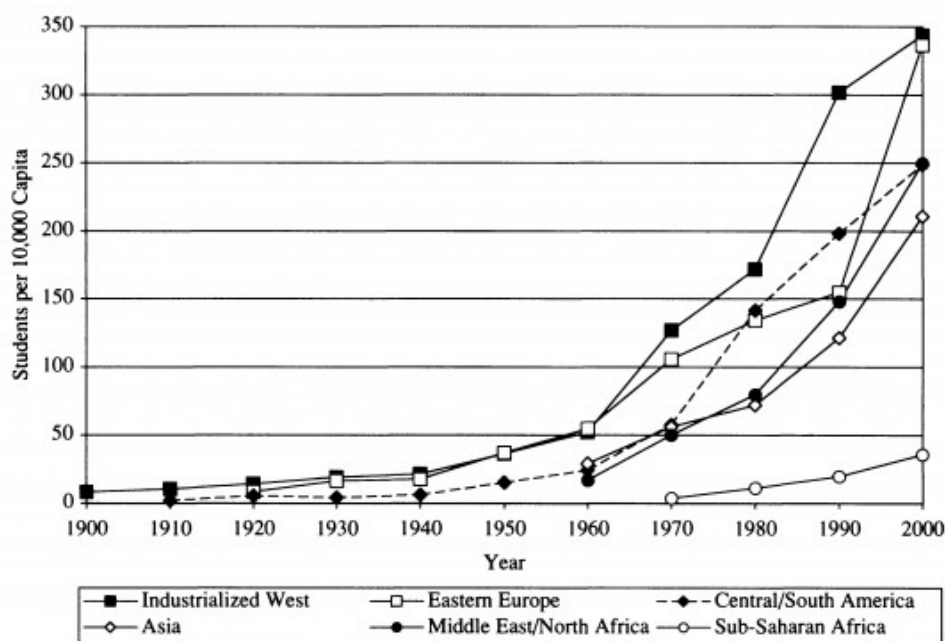

Figure 3. Tertiary Students per Capita, Regional Averages, 1900-2000 (constant cases).

Note: Industrialized West (n = 15), Eastern Europe (n = 11), Central/South America (n = 19), Asia (n = 18), Middle East/North Africa (n = 13), sub-Saharan Africa (n = 38).

Figure 1 - Growth in tertiary enrolments worldwide [34; 908]

The sharpest rise since 1980 has been outside of the industrialized countries, with Eastern European nations now competing with OECD members in terms of university participation rates. Enrolment rates almost tripled in Asia and Middle East during from 1980 to 2000. Another striking feature is that the female participation rate has risen just as sharply as the male participation rate everywhere. That is, there is convincing evidence that higher education is globally more evident now than every before, irrespective of a country's socio-economic status, gender differences, cultural biases, or political conditions (although, of course,

unevenly) [34]. This global trend is commonly referred to as 'massification' of higher education, and is expected to continue over the coming years: from about 100 million students enrolled in various types of HEIs worldwide in 2000 to over 400 million by 2030 [6]. The same thing, of course, has happened in primary and secondary education [24].

This mushrooming has meant that higher education has become institutionalised in two ways. First, universities have become commensurable (comparable) organisations, each with identifiable administrative structures. Thus, in place of the tremendous diversity in how disciplines were organised in universities around the world in medieval times, we now have almost identical divisions of faculties, departments, administrative positions, financial systems, managerial policies, human resource strategies, and so on. This 'rationalisation' of the university system on modern lines has meant a drastic loss in diversity or difference, and tremendous pull toward uniformity that allows faculty and managers to be transferred or pulled away from one university to another, even across countries [20], [23].

Second, the institutionalisation has meant that universities are now incorporated into the modern nation-state as corporate bodies similar to other organisations like businesses and subject to the same pressures and controls. Thus, modern organisational trends like corporate mergers and financial harmonisation have swept across modern European universities like fashions. In the last decade, for instance, smaller departments have been abolished or merged into larger 'Schools' or 'Faculties', and administrative functions have multiplied but have also become centralised (from departments to central administration). At the same time, though, tighter and tighter academic sub-specialisations naturally emerge to carve out a niche for themselves in the growing homogeneity of similar, globally competing universities.

Another consequence of the explosive growth of universities since 1970 and simultaneous liberalisation of economies has been that states spend less and less proportion of their resources on higher education. Coupled with rising per-student costs and stagnation in government taxes, this has meant that universities increasingly rely on student tuition fees to survive financially [3; 69]. Private HEIs have mushroomed around the world to pick up the gap. The trend of massification, taken as a whole, means that higher education is now seen as a private doorway to measurable socio-economic success and a means of production rather than as an intangible 'public good' [7].

Utilitarianism

Therefore, higher education has been imbued with a distinctly utilitarian emphasis. Of course, the nature of this utilitarianism varies with socio-political conditions and with history: utilitarianism has never meant precisely the same thing in all situations [26]. And yet, the new University – characterised by 'excellence' rather than civilisation or culture – prioritises usefulness around the world. In fact, it is now an implicit aim of higher education everywhere that it must be of 'practical' use and, furthermore, that this use must extend beyond the individual to some measurable usefulness to society. Even a glance at modern European university mission statements confirms that all universities seek to add practical value to society. Consequently, the same is true of the research and teaching that universities must produce, or get rewarded for in terms of student tuition or public funding. The research must have 'industry' applications or 'policy relevance' in order to get funded, and teaching must prepare students to compete in international job markets.

Yet, it should be equally clear that the 'utility' that now defines the modern university is a normative function. That is, the only thing universal about 'utility' is the term itself that has taken on the status of a value. However, what is considered as being useful or practical has drastically changed even in the past century or so, and even in Europe, let alone in Asia or Africa. In other words, the nature of what is considered useful varies over time and space, but what remains constant is to justify certain types of changes in the university by terming them 'useful' or 'practical' for society.

Utility has become such a norm that when a university reform is termed 'useful' hardly anybody looks closer at it to see what, in fact, it is useful *for*. A good example of this is the rhetorical linking higher education improvement to macro-economic growth through the idea of a 'knowledge-based economy'. For instance:

In Europe, government-funding patterns for university research have changed in recent years with a shift toward competitive problem-oriented or industry-oriented public programs. University researchers and research centers are encouraged to embark on collaborations with private companies including incentives to complement their research activities with technology-transfer activities [3; 187].

This is a mantra of national higher education reforms, yet there is surprisingly little evidence to substantiate such a link. In-depth research in the sociology of education has shown that neither does university

student achievement correlate to national economic growth [29], [30], nor is there a statistically significant correlation between higher education and the whole economic system of a country [23]. These results are quite startling for many, yet they conclusively show that the 'knowledge-based economy' is more of a myth than a reality, even in northern Europe or the United States that have advanced post-industrial economies.

Yet, this myth has taken a strong hold on university reformers everywhere. A clear application of this is that universities are now demanded to be more 'relevant' to society, both quantitatively in terms of research and student output, and qualitatively in terms of linkages especially with industry. This has meant, for instance, a tremendous privileging of resources to 'applied' sciences (including social sciences) over 'pure' (basic research), and greater student demand for these disciplines, as evident in just five years trend in Russia, for example [37]:

% of total graduates	2004	2009	% change
Engineering & manufacturing	19,7	22,0	+ 25,9
Social sciences, business, law, pedagogy	52,5	55,0	+ 4,8
Humanities & arts	5,2	3,5	- 32,7

There has thus been a rapid growth in the applied physical and social sciences, including political science, economics, business management, and law, at the expense of basic natural sciences and humanities. This may be interpreted as a 'demystification' of the pursuit of humanities in the universities – and, indeed, reduction of the world to iron laws [28]. In any case it is clear that a practical turn has taken in place in what it prioritised in the university.

Thus, 'utilitarianism' is a label that obscures quite normative, and subjective, aims of higher education reform. This was quite evident in the past, for instance when British colonisers reformed Indian higher education between 1835 and 1904: the entire indigenous system of higher education was uprooted and replaced by an external system by terming the former 'useless' and the latter 'useful' [26]. In the process, new cultural schemes were institutionalised, such as secularism or replacing of local languages by English, and anti-collectivism in faculty. In modern times, it would be quite appropriate to collect the new cultural trends of higher education reform under the label of 'neoliberalism', provided that this term, too, is unpacked [17].

The global script of reform and global governors

These two macro-cultural features of 'neoliberalism' capture many trends common to higher education reform across northern Europe and, increasingly, across the world. The purpose here is not to identify an exhaustive list, but to argue for two undeniable categories and point out the elements within them. Of course, further evidence might bring to light other factors to include in each category and, possibly, to add to this list of cultural categories of higher education reform. However, such additions would still leave open the question of how this can possibly happen so widely and without much notice.

Possibly the single biggest factor in this neoliberal homogenisation is the ubiquitous presence of university rankings and league tables. The most popular ones – Times Higher Education World University Rankings (UK), the Academic Ranking of World Universities (China) and the QS World University Rankings (UK) – are highly influential amongst potential students. More importantly, university managers and governments looking to reform their institutions rely particularly on these rankings:

Higher education systems in both Europe and Asia have recently been going through significant restructuring processes to enhance their competitiveness and hierarchical positioning within their own countries and in the global market place. One major consequence of this is the intensified competition among universities to prove their performance through global university league tables or ranking exercises [8; 83-84].

It is now well-known that rankings determine what managers see as 'problems' and what solutions to move to [11], [19]. The rise of the 'entrepreneurial' and 'innovative' university model around the world is one example that is driven directly by managers looking at rankings and then reforming in a way that leads to 'colonisation of the academia by the market' [18]. Similarly, the notion of a 'world-class' university has led to the European Commission making heavy investments in the region to promote academic 'excellence' that can challenge North American institutions and Asian economies [8], [16]. University rankings thus serves to promote particular types of reforms, along the lines of the two cultural themes identified above.

Such higher education reforms fed by rankings are not limited to Europe or the EC. They are global

phenomena but their very spread and breadth obscures the fact that the trend has an origin. The seeds of most of the reforms in the past 20 years across northern Europe and USA in particular, but also elsewhere, can be found in two intergovernmental institutions: the World Bank and UNESCO. Since World War II, and increasingly since 1980, both institutions have dedicated considerable resources to defining and directing higher education. The Bank officially prioritised higher education in developing countries in 1994 [38]. But most of the concrete steps we can see in higher education reform today stem from the joint UNESCO/ World Bank task force report in 2000 [36].

In the 2000 report we find a distinct emphasis on massification across traditional social divisions [36; 9, 16, 91], the need to capitalise on the 'knowledge-based economy' [36; 9, 16, 34], and rationalising higher education into similar national managerial systems [36; 46, 50-52, 59, 64]. Although the 2000 report focused on 'developing countries', its themes are universally applicable and, indeed, are evident throughout Europe as well as elsewhere. The crucial point is that the reforms suggested are not independent but are linked inevitably to global economic and social changes, such as neo-liberalism, privatisation, and low public taxes. At root, the report is built on the recognition that higher education enhances global labour productivity to fit into the new world capitalist system [32]. These factors are as relevant to sections of population with northern Europe as they are to entire countries in, say, sub-Saharan Africa or South Asia. However, the generic blueprint model of reform is locally applied to different conditions in different ways, and local history and culture are important in that 'domestication' [27].

There is, thus, evidence to suggest that not only is there a global 'script' for university reforms worldwide, but also global 'governors' who manage this script. Intergovernmental organisations play a key role in shaping higher education globally by way of encouraging reforms in certain directions that we can tentatively label as 'neoliberal'. (The same is true for basic education. Since WWII, the United Nations, World Bank and national development agencies have been increasingly directing the agenda of Education for All in developing countries [25].) University rankings, league tables, and copying 'world-class' universities are key mechanisms for diffusing these norms worldwide.

Epistemic governance and rule by consent

The fact that there are organisations devoted to steering higher education around the world in a certain way – i.e. global 'governors' – does not mean that these bodies are mysteriously powerful or somehow capable of dictating policies. Three factors are crucial to recognising this all-important point. First, as above, most of these organisations are responding to what they perceive as evident global changes, such as privatisation, reduction in tax collection, sharply rising demand for higher education among a growing middle class around the world, and so on. In that sense, the 'governors' are more like conduits of shifting world culture and politics who translate these global patterns into higher education reforms.

Second, these bodies are, after all, generally *inter-governmental* bodies. Thus, the World Bank or UNESCO or EC, for instance, are not homogenous and single-minded entities. Their decision-making bodies are composed of representatives of the almost 200 countries of the world, and their departments are subject to further influence from country offices. Furthermore, they are criss-crossed by international professional associations who are even more diffuse, such as international associations of professors and academics, international disciplinary associations, and so on. In many ways these International Non-Governmental Organisations (INGOs) are the carriers of modern world culture and dictate what the problems are and how governments and international organisations need to address them. There is growing evidence from sociologists that these INGOs build and diffuse world culture, [4], [5] including the impulse to 'rationalise' higher education [23].

Third, it should be noted that national policies of higher education are, after all, *national*. There is no direct force or threat of sanctions, etc., that make individual countries conform to the global script. From northern Europe to sub-Saharan Africa, countries do produce the same educational reforms, but there is no compulsion in this. The most notable thing about similar reforms is that each country's policy-makers seem to genuinely believe that they are acting the nation's best interests [21]. It is now widely recognised that governance in today's world relies less on direct use of force but rather works through subtle means [12]. What is even more important is that these subtle ways consist of making the world appear in certain ways and of making certain solutions seem obvious or desirable, as captured by the term 'epistemic governance' [2].

In other words, social policy change is often implemented by national actors themselves, and it appears uniform around the world because these national actors have been trained to think in similar ways. The reforms are always aimed at making national institutions like universities the 'best in the world', and this takes place through international comparisons as in league tables and rankings. But from the policy-makers' perspectives,

Qadir A. Higher education, the global governors, and epistemic governance // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. C. 28-35.

these are all very natural and self-evident moves. Epistemic assumptions about the social world are so similar in modern times that these self-evident moves turn out to be similar. Countries keep an eye out on each others' policy moves and make similar moves themselves in all kinds of social policy arenas. This can be termed as interdependent policy-making [1] or as colonisation without an identifiable coloniser (similar to the Foucauldian idea of global Empire without and emperor [13]). That is, epistemic governance involves rules by implicit consent, not as in an unwritten social contract but in a much more subtle and hidden way by playing on the assumptions we all have about what the world is and how it works.

More research is needed into specific empirical cases using this framework. Given the strong consent around the world for similar reforms, hardly any alternatives appear viable. Yet, one fact is clear: all these reforms are future-oriented, working on national policy-makers' desire to *become* more modern and globally relevant according to the how the world now appears to them. As such, *local* histories surrounding each university are ignored in these reforms. One option to escape the wave of neoliberal reforms sweeping around the world is to pay more attention to local communities and histories. In other words, the future lies in the past.

References

1. Alasuutari P. Interdependent Decision-Making in Practice: Justification of New Legislation in Six Nation-States / National Policy-Making: Domestication of Global Trends, ed. Alasuutari P., Qadir A. London: Routledge, 2014. P. 25-43.
2. Alasuutari P., Qadir A. Epistemic Governance: An Approach to the Politics of Policy-Making // *European Journal of Cultural and Political Sociology*. 2014. № 1. P. 67-84.
3. Altbach P. G., Reisberg L., Rumbley L. E. Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution. A Report Prepared for the Unesco 2009 World Conference on Higher Education. Paris: UNESCO, 2009.
4. Boli J., Gallo-Cruz S., Mathias M. World Polity Theory / The International Studies Compendium Project, ed. Denmark R. A. Oxford: Blackwell Publishing, 2011. <http://www.isacompendium.com>
5. Boli J., Thomas G. M. eds. Constructing World Culture: International Nongovernmental Organizations since 1875. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999. 380 p.
6. Calderon A. Massification Continues to Transform Higher Education // *University World News*, 2 September 2012. № 237. <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20120831155341147>
7. Calhoun C. The University and Public Good // *Thesis Eleven*. 2006. № 7. P. 7-43.
8. Deem R., Ka Ho Mok, Lucas L. Transforming Higher Education in Whose Image? Exploring the Concept of the 'World-Class' University in Europe and Asia // *Higher Education Policy*. 2008. № 21. P. 83-97.
9. Delanty G. The Idea of the University in the Global Era: From Knowledge as an End to the End of Knowledge? // *Social Epistemology: A Journal of Knowledge, Culture and Policy*. 1998. № 1. P. 3-25.
10. Delanty G. The University and Modernity: A History of the Present / The Virtual University? Knowledge, Markets and Management, ed. Kevin Robins and Frank Webster. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 31-48.
11. Dill D. D., Soo M. Academic Quality, League Tables, and Public Policy: A Cross-National Analysis of Universities Ranking System // *Higher Education Policy*. 2005. P. 495-533.
12. Hajer M. A. Authoritative Governance: Policy-Making in the Age of Mediatization. N.Y.: Oxford University Press, 2009. 220 p.
13. Hardt M., Negri A. *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. 496 p.
14. Kamuf P. *The Division of Literature, or the University in Deconstruction*. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 268 p.
15. Kant I. *The Conflict of the Faculties*, trans. Mary J. Gregor (Lincoln: University of Nebraska Press, 1992/1798. 217 p.
16. Keeling R. The Bologna Process and the Lisbon Research Agenda: The European Commission's Expanding Role in Higher Education Discourse // *European Journal of Education*. 2006. № 2. P. 204-223.
17. Mamdani M. *Scholars in the Marketplace: The Dilemmas of Neo-Liberal Reform at Makerere University 1998-2005*. Dakar: Council for the Development of Social Science Research in Africa, 2007. 316 p.
18. Mautner G. The Entrepreneurial University // *Critical Discourse Studies*. 2005. № 2. P. 95-120.
19. Merisotis J., Sadiak J. Higher Education Rankings: Evolution, Acceptance, and Dialogue // *Higher Education in Europe*. 2005. № 2. P. 97-101.
20. Meyer J. W. et al. *Higher Education as an Institution / Sociology of Higher Education: Contributions and Their Contexts*, ed. Gumpert P. J. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2007. P. 187-221.

Qadir A. Higher education, the global governors, and epistemic governance // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. C. 28-35.

21. Meyer J. W. The Nation as Babbitt: How Countries Conform // *Contexts*. 2004. № 3. P. 42-47.
22. Meyer J. W. World Society, Institutional Theories, and the Actor // *Annual Review of Sociology*. 2010. № 36. P. 1-20.
23. Meyer J. W., Ramirez F. O. The World Institutionalization of Education / Discourse Formation in Comparative Education, ed. Schriewer J. N. Y.: Peter Lang, 2000. P. 111-132.
24. Meyer J. W., Ramirez F. O., Soysal Y. World Expansion of Mass Education // *Sociology of Education*. 1992. № 2. P. 128-149.
25. Mundy K. 'Education for All' and the Global Governors / Who Governs the Globe?, ed. Avant D. D., Finnemore M., Sell S. K. Cambridge Studies in International Relations. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. P. 333-355.
26. Qadir A. The Ideal of Utility in British Indian Policy: Tropes of the Colonial Chrestomathic University, 1835-1904 // *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2014. № 2. P. 197-211.
27. Qadir A. Culture and History in the Domestication of Global Trends of Higher Education in Pakistan / National Policy-Making: Domestication of Global Trends. ed. Alasutari P., Qadir A. London: Routledge, 2014. P. 147-163.
28. Ramirez F. O. Eyes Wide Shut: University, State and Society // *European Educational Research Journal*. 2002. № 2. 256-272.
29. Ramirez F. O. Beyond Achievement and Attainment Studies—Revitalizing a Comparative Sociology of Education // *Comparative Education*. 2006. № 3. P. 431-449.
30. Ramirez F. O. et al. Student Achievement and National Economic Growth // *American Journal of Education*. 2006. № 1. P. 1-29.
31. Readings B. *The University in Ruins*. Cambridge: Harvard University Press, 1997. 256 p.
32. Robertson S. L. Market Multilateralism, the World Bank Group and the Asymmetries of Globalising Higher Education: Toward a Critical Political Economy Analysis / *International Organizations and Higher Education Policy: Thinking Globally, Acting Locally?*, ed. Bassett R., Maldonado A. London: Routledge, 2009. P. 113-131.
33. Schofer E. et al. Sociological Institutionalism and World Society / *The Wiley-Blackwell Companion to Political Sociology*. John Wiley & Sons, Ltd, 2012. P. 57-68.
34. Schofer S., Meyer J. W. Worldwide Expansion of Higher Education in the 20th Century // *American Sociological Review*. 2005. № 70. P. 898-920.
35. Spanos W. V. *The End of Education: Toward Posthumanism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. 304 p.
36. Task Force on Higher Education & Society. *Higher Education in Developing Countries: Peril and Promise*. Washington, DC: World Bank, 2000. 135 p.
37. UNESCO Statistics. Available at: <http://uis.unesco.org/en/topic/higher-education> (accessed 15 April 2015).
38. World Bank. *Higher Education: Lessons of Experience*. Washington DC: World Bank, 1994. 105 p. Available at:

http://siteresources.worldbank.org/EDUCATION/Resources/278200-1099079877269/547664-1099079956815/HigherEd_lessons_En.pdf (accessed 15 April 2015).

Higher education, the global governors, and epistemic governance

**QADIR
Ali**

*Doctor of Social Sciences
School of Social Sciences & Humanities,
University of Tampere, Finland, ali.qadir@uta.fi*

Keywords:

Epistemic governance; higher education; reform; neoliberalism; sociological institutionalism.

Summary:

Using a neo-institutionalist framework of epistemic governance, this paper reviews how individual universities and national systems of higher education globally are being reformed according to a global script. A number of global governors, such as intergovernmental organisations and INGOs, are involved in making and circulating these scripts. However, this perspective highlights that such governance is well-hidden. Most university managers or national policy-makers are not even aware of global governance that functions by working on how we perceive the world and what reforms are desirable. Driven by realist assumptions of the social world (as common in International Relations theories), analysts and activists tend to look at these global governors as power centres that dictate policy measures. Yet, the same analysts stumble against the obvious problem that these 'governors' are not governing in the traditional sense of the term. Rather, those reforming their own universities think according to the same global scripts, and generally believe it is a perfectly reasonable and locally appropriate way of reforming. This is one reason why the similar reforms keep taking place around the world despite considerable criticism. The framework of epistemic governance draws attention to systemic, worldwide patterns underlying the hidden politics of national higher education policies, such as massification and utilitarianism as analysed here.

УДК 316.422

Новые тренды в научной и инновационной политике в странах северной Европы: уроки для России

ПИТУХИНА
Мария
Александровна

к.полит.н., старший научный сотрудник Центра бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, pitukhina@petsu.ru

Ключевые слова:

страны Северной Европы
научная политика
инновационные проекты
международные рейтинги

Аннотация:

В статье сравниваются ключевые параметры научной политики в странах Северной Европы (подушевой ВВП, затраты на НИОКР, количество кадров высшей научной квалификации, индексы цитирования). Проведенный анализ показал, что благоприятные условия для развития науки и инноваций, которые формировались в странах Северной Европы в течение длительного периода, в настоящее время способствуют достижению лидерских позиций в ведущих международных рейтингах (Social Progress Index, Human Development Index, Global Innovation Index, Knowledge Economy Index).

В статье также предпринимается попытка оценить влияние инноваций на социально-экономическое развитие стран Северной Европы. Так, в крупных инновационных северных проектах выделяются 2 ключевых направления: традиционное (возобновляемые источники энергетики; устойчивое производство и использование природных ресурсов в целях уменьшения количества отходов и стимулирование инноваций, зеленой экономики и регионального развития) и авангардное (инновационные решения, связанные со старением населения). Еще одним важным трендом современных инновационных проектов является дигитализация.

Опыт стран Северной Европы является чрезвычайно важным с точки зрения выработки рекомендаций для России в части совершенствования инновационной политики нашей страны.

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 27 декабря 2016 года

В настоящее время глобальные вызовы для ЕС и России во многом схожи. Это и старение населения, и дефицит трудовых ресурсов, второй и третий демографические переходы, а также развитие инновационной экономики. Развитие инновационной экономики в России и ЕС ознаменовалось принятием в 2010 году двух стратегий – «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»[1] и «EU Strategy 2020»[2]. Обе стратегии прописывают развитие новых инноваций, новых технологий, новых рабочих мест, новых компетенций.

В частности, Стратегия «Инновационная Россия-2020» постулирует развитие четырех **инновационных компетенций**: способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному

совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремление к новому; способность к критическому мышлению; способность и готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно, готовность к работе в команде и в высококонкурентной среде; владение иностранными языками, предполагающее способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению.

Обнаруженная в ходе исследования взаимосвязь между уровнем инновационности и количеством реализуемых инновационных проектов в странах Северной Европы может послужить положительным примером для России.

Ключевые показатели науки и инноваций в странах Северной Европы

Несмотря на одновременное принятие ключевых документов, определяющих инновационное развитие государства, согласно ведущим международным рейтингам, в частности, Индексу социального развития (Social Progress Index), Индексу развития человеческого потенциала (Human Development Index), Индексу экономики знаний (Knowledge Economy Index) страны Северной Европы, в отличие от России, занимают первые места в мире. В частности, Норвегия занимает первое место в мире, согласно Индексу социального развития [7] и Индексу развития человеческого потенциала [5]. По данным Всемирного банка, в 2012 году Финляндия занимала 2 место в мире по уровню развития экономики знаний, Дания – 3 место, Швеция – 4 место, Норвегия – 8 место [6]. В 2015 году по индексу инноваций (Global Innovation Index) [3], соответственно, Швеции принадлежало 3 место в мире, Финляндии – 6 место, Дании – 10 место, Исландии – 13 место, Норвегии – 20 место (Таблица 1).

Таблица 1. Места стран Северной Европы в ведущих мировых рейтингах социально-экономического и инновационного развития

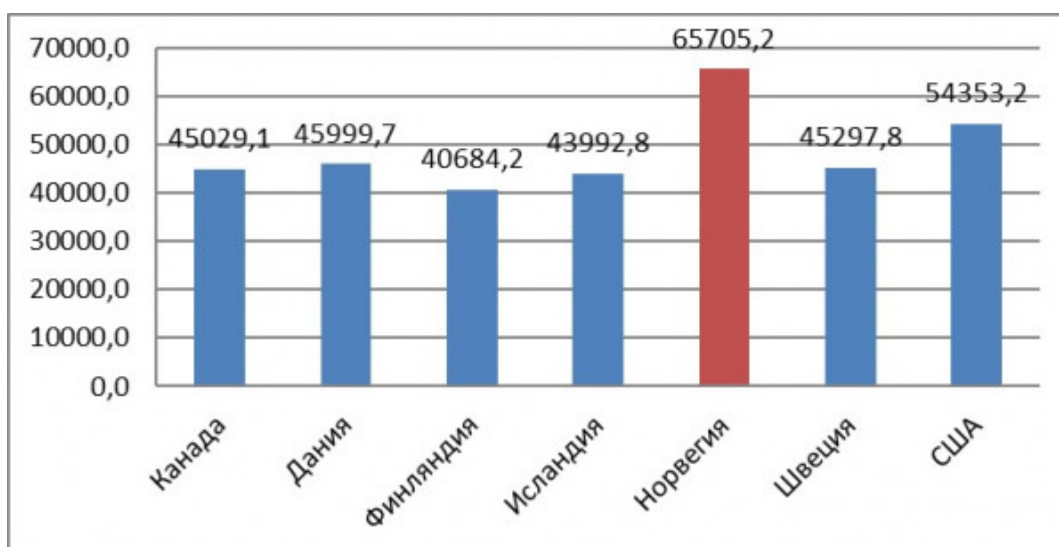
Страна	Social Progress Index 2015	Human Development Index 2015	Global Innovation Index 2015	Knowledge Economy Index 2012
Норвегия	1	1	20	8
Швеция	2	14	3	4
Финляндия	7	24	6	2
Дания	8	4	10	3
Исландия	4	16	13	16
Россия	75	50	43	55

Не исключено, что такого высокого положения в мировых рейтингах странам Северной Европы помогают достичь высокие показатели науки и инноваций, в том числе широкий спектр реализуемых проектов в инновационной сфере. В то же время, этих в четырех рейтингах Россия располагается в диапазоне между 43 и 75 местом. С одной стороны, это позволяет судить об относительно невысоком уровне развития в стране инновационной экономики, с другой стороны, необходимо учитывать определенную долю субъективизма рейтингов.

Страны Северной Европы всецело осознают, что в настоящее время нельзя игнорировать объективные реалии, в частности, переход на VI технологический уклад, в связи с чем реализуется большое количество инновационных проектов, в том числе с выделением финансовых средств от международных северных и арктических структур.

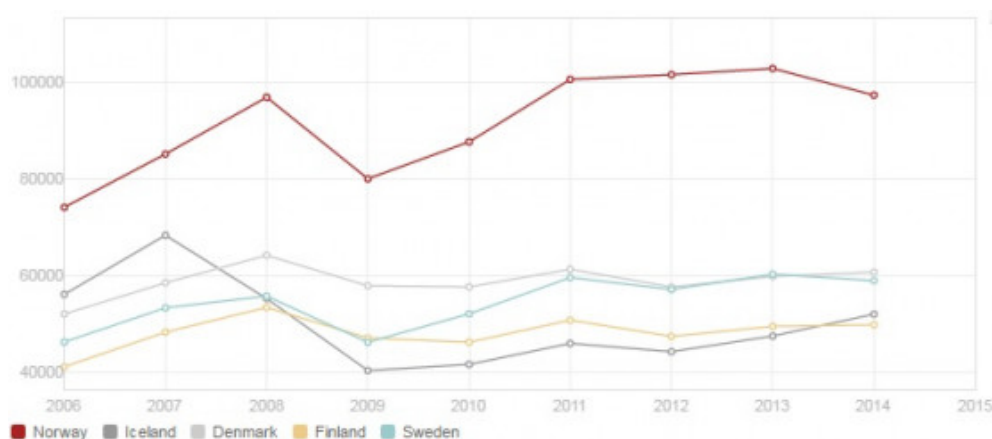
Подушевой ВВП стран Северной Европы является одним из самых высоких в мире, что подтверждают данные (Рис. 1). Среди стран Северной Европы особенно выделяется Норвегия.

Рисунок 1. Подушевой ВВП в странах Арктической Зоны, 2014 (\$) [9]

В течение последнего десятилетия (2005–2015 гг.) наблюдается неоднозначная картина в странах Северной Европы, связанная с ростом подушевого ВВП. Так, в период международного финансового кризиса во всех странах наблюдалось заметное сокращение доходов, однако сразу же после окончания острого периода начался период восстановления подушевого ВВП. Начиная с 2011 года, в большинстве стран Северной Европы (Финляндия, Швеция, Норвегия, Исландия) стабильно снижается показатель роста подушевого ВВП (Рис. 2). Это коррелирует с общими европейскими трендами восстановления экономики после кризиса, когда экономический рост составлял в среднем 1,5–2%. Отдельно следует отметить затянувшийся период восстановления после кризиса (уже свыше 5 лет), что позволяет нам говорить о такой характеристике кризиса, как вязкость, которую сегодня пытается преодолеть весь западный мир.

Рисунок 2. Динамика подушевого ВВП в странах Северной Европы за период 2006–2014 (\$)[10]

Сложившиеся социально-экономические условия в Северной Европе, характеризующиеся высоким уровнем жизни, для обеспечения социальной стабильности вынуждают правительства прилагать усилия к сохранению и развитию в странах наиболее высокотехнологичных производств, выпускающих конкурентоспособную продукцию с большой добавленной стоимостью, и выносу за границу наименее прибыльных предприятий с большими потребностями в рабочей силе, что неизбежно связано с ростом государственной поддержки НИОКР и инвестиций в науку. Примечательно, что, согласно докладу UNESCO Science Report. Towards 2030, после мирового финансового кризиса затраты на науку только возросли [8].

Ключевые показатели науки и инноваций предоставлены докладом 2013 года «UNESCO Science Report. Towards 2030», который выходит раз в 5 лет. Доклад предоставляет информацию по странам, включая индекс цитирования ученых, количество кадров высшей научной квалификации (ВНК),

количество публикаций, в том числе, на душу населения и по отраслям наук.

Политика стран Северной Европы в сфере науки и инноваций предусматривает бюджетное финансирование НИОКР в среднем в размере 3 % ВВП [8] (Таблица 2). Также из Таблицы 2 следует, что у Норвегии самый высокий подушевой ВВП среди стран Северной Европы, при этом затраты на НИОКР самые низкие. В Финляндии, в которой самый низкий подушевой ВВП из всех стран Северной Европы, фиксируются самые большие затраты на НИОКР (3,32% от ВВП).

Таблица 2. Подушевой ВВП и затраты на НИОКР, 2013

Страна	ВВП/чел (2013) (чел.) [10]	Затраты на НИОКР от ВВП (2013) % [8]
Норвегия	64 406	2,85%
Швеция	44 658	3,30%
Дания	43 782	3,06%
Финляндия	39 740	3,32%
Исландия	41 859	2,49%

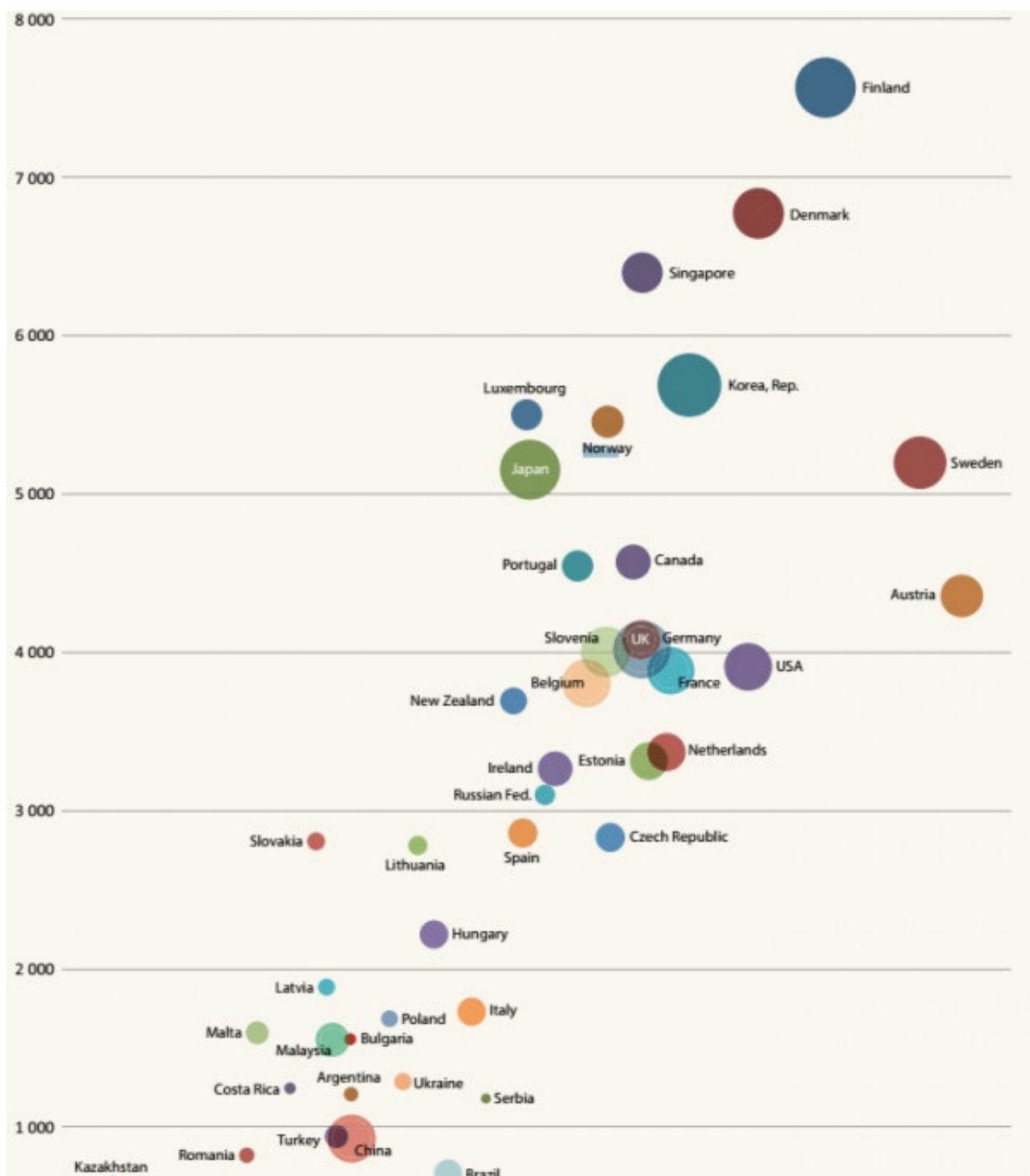
В свою очередь, Таблица 3 демонстрирует количество кадров ВНК в странах Северной Европы в сравнении, а также рейтинги научного цитирования. Из Таблицы 3 следует, что Дания, Финляндия и Исландия имеют одинаковое количество кадров ВНК пропорционально населению страны – около 0,7%, причем у Исландии фиксируем также самый высокий индекс цитирования. На втором месте располагается Швеция с самым большим населением среди стран Северной Европы (почти 10 млн чел.), Норвегия в списке выступает аутсайдером, несмотря на то, что обладает самым высоким подушевым ВВП среди Северных стран.

Таблица 3. Индекс цитирования ученых и количество кадров высшей научной квалификации в странах Северной Европы, 2013

Страна	Индекс цитирования (2013) [8]	Количество кадров ВНК (чел.) [8]	% кадров ВНК в странах Северной Европы [1]
Норвегия	1,27	28 343	0,55%
Швеция	1,34	62 294	0,63%
Дания	1,50	40 858	0,73%
Финляндия	1,27	39 196	0,71%
Исландия	1,71	2 258	0,70%

Отдельный интерес в целях сравнения представляет система затрат бизнеса на НИОКР в мире, в том числе в странах Северной Европы (Рис. 3), где размер пузырьков пропорционален расходам бизнеса (не государства). Финляндия и Дания располагаются в самом верху рисунка – это является свидетельством того, что в затраты на НИОКР в отношении к ВВП – одни из самых высоких в мире, размер пузырьков, в свою очередь, характеризует высокое участие бизнеса в НИОКР. Норвегия располагается также вверху, однако, размер пузырьков свидетельствует о том, что бизнес в Норвегии не столько активно инвестирует в НИОКР, как в других странах: Финляндии, Швеции, Дании, Японии. В Исландии уровень затрат бизнеса на НИОКР, как и размер пузырьков, соответствует уровню Эстонии и Нидерландов.

Рисунок 3. Затраты бизнеса на НИОКР, 2014 [5]

В целом страны Северной Европы последовательно ориентируются на прикладные исследования, имеющие коммерческую направленность. Анализ ключевых показателей науки и инноваций (подушевой ВВП, затраты на НИОКР, количество кадров ВНК и процент кадров ВНК пропорционально населению, индексы цитирования) продемонстрировал, что в странах Северной Европы созданы наиболее благоприятные условия для развития науки и инноваций. России необходимо перенимать сложившийся в странах Северной Европы положительный опыт.

Реализация инновационных проектов в странах Северной Европы как способ повышения инновационности

В качестве одного из способов повышения инновационности рассмотрим реализацию широкого спектра инновационных проектов в странах Северной Европы. Реализуемые в странах Северной Европы инновационные проекты заслуживают отдельного внимания, поскольку, согласно последним данным

Global Innovation Index 2015 года, Швеция по этому показателю занимает 3 место в мире, Финляндия – 6 место, Дания – 10 место, Исландия – 13 место, Норвегия – 20 место [3]. Этот индекс, разработанный Бостонской консалтинговой группой, позволяет измерять уровень инноваций в стране.

Как оказалось, объем финансирования инновационных проектов в странах Северной Европы достигает нескольких десятков миллионов евро. Рассмотрим основные направления инновационных проектов. В Таблице 4 представлены тематики наиболее крупных инновационных проектов, профинансированные северными и арктическими международными структурами (Арктический Совет, СМСС, БЕАР).

Таблица 4. Инновационные решения в странах Северной Европы

Финляндия	Швеция	Дания	Норвегия и Исландия
Развитие предпринимательских компетенций у молодежи, коренных народов (Start-up Sauna, мероприятие SLUSH) / развитие конкурентоспособности северных культурных и творческих индустрий /поддержка новых цифровых инновационных решений/ инновационные экологические технологии для очистки окружающей среды в Арктике, ориентированные на использование технологий с низким содержанием углерода.	Развитие возобновляемых источников энергии и реализация инновационных решений в социальной сфере (для людей с ОВЗ)	Внедрение инновационных решений в производство и строительство (инновационные рыбные кластеры, инновационные цифровые решения, инновации в перерабатывающей промышленности, «северное строительство»)	Устойчивое развитие через уменьшение количества отходов от использования природных ресурсов, стимулирование инноваций, зеленой экономики и регионального развития

Очевидно, что, с одной стороны, все страны Северной Европы всецело сосредоточены на развитии инноваций. Подтверждением этому станет и международная конференция «Innovations in the Arctic», которая пройдет 5–7 Апреля 2017 в Норд Университете в Норвегии [4]. С другой стороны, как следует из Таблицы 4, специфика этих инноваций сильно варьируется от страны к стране. Так, в шведских проектах акцент делается традиционно на возобновляемые источники энергии и инновации для инвалидов; в Финляндии – развитие предпринимательских компетенций у коренных народов и развитие технологий по экологической очистке Арктики; в Дании – развитие концепции «умного строительства», а в Норвегии и Исландии – уменьшение количества отходов от использования природных ресурсов. Практически все перечисленные проекты реализуются одновременно во всех странах Северной Европы.

На основе данных Таблицы 4 можно также выделить два ключевых направления в реализации инновационной политики в странах Северной Европы:

- традиционные (возобновляемые источники энергии; устойчивое производство и использование природных ресурсов в целях уменьшения количества отходов и стимулирование инноваций, зеленой экономики и регионального развития);

- авангардные (инновационные решения, связанные со старением населения).

В качестве последнего тренда в области инноваций в странах Северной Европы выделяются инновационные решения, связанные со старением населения. Стоит отметить проект «Инновационные решения для Северного Благополучия», стоимостью 25 миллионов шведских крон или 2.6 миллиона евро (2014–2017), реализуемый под эгидой Швеции. Цель крупнейшего инновационного проекта – разработка решений и технологий, которые позволят пожилым и людям с ограниченными возможностями по здоровью жить более независимой жизнью и снизить потребность в уходе. В рамках проекта уже реализовано 25 инновационных решений, среди которых:

1. *AbleOn Shower System* – система облегчает принятие душа так, что пожилые люди или люди с ограниченными возможностями могут чувствовать себя в безопасности.

2. *Admone* – инструмент, который помогает людям с деменцией (слабоумием) покинуть свой дом самым безопасным и контролируемым способом через самовыключающиеся напоминания. Инструмент помогает людям помнить о своих делах посредством напоминаний.

3. *AssiStep* – помогает людям с проблемами опорно-двигательного аппарата при подъеме по лестнице.

4. *Biotherapeutics* – инструмент, ускоряющий заживления ран у больных сахарным диабетом.

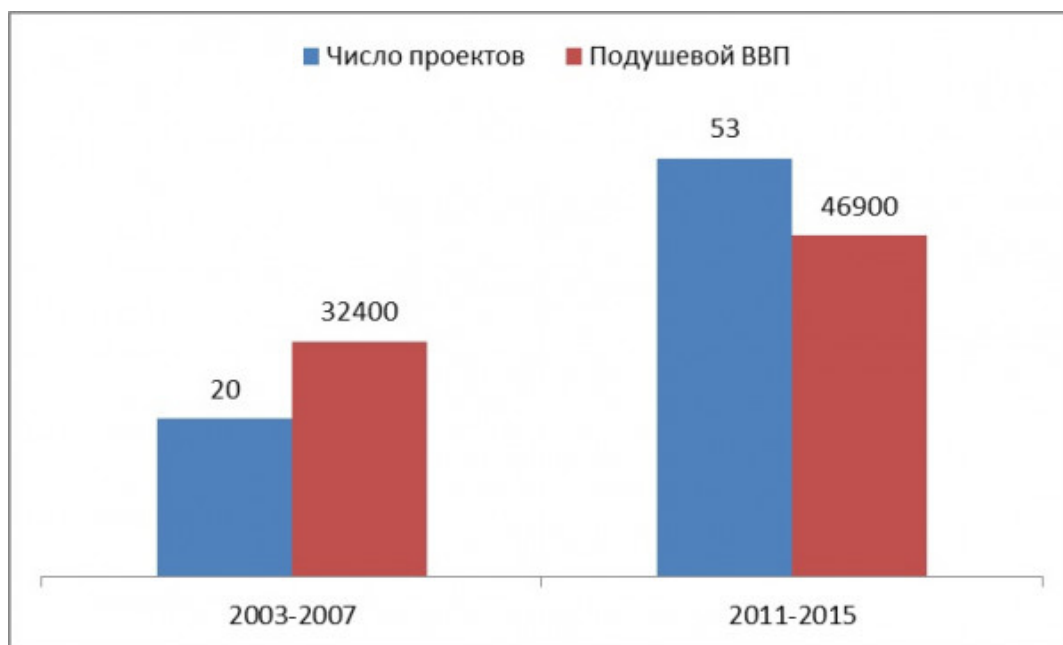
5. *Carecode Remote Care* – помогает медицинским организациям контролировать больного удалено через веб-коммуникационное программное обеспечение.

6. *DAP Design* – разрабатывает решения для людей с ограниченными возможностями, чтобы они могли одеваться без посторонней помощи.

Шведский проект «Инновационные решения для Северного Благополучия» является примером не только активной реализации инновационных проектов авангардного направления, связанного со старением населения, но и свидетельством формирования одного из ведущих трендов современной инновационной политики – дигитализации, связанного с переводом всех видов информации (текстовой, аудиовизуальной) в цифровую форму, которая впоследствии реализуется в понятном и доступном виде для различных конечных пользователей.

Как пример положительного влияния числа инновационных проектов на уровень инновационности и рост подушевого ВВП, приводим Рисунок 4, отображающий увеличение числа инновационных проектов в странах Северной Европы более, чем в 2 раза за выбранные пятилетки 2003–2007 и 2011–2015, что косвенно коррелирует с увеличением среднедушевого ВВП стран Северной Европы.

Рисунок 4. Уровень инновационности в странах Северной Европы в зависимости от количества инновационных проектов и среднего подушевого ВВП в пятилетках (2003–2007 и 2011–2015)[2]

Подводя итоги, можно отметить, что конечной целью современных инновационных проектов, реализуемых в странах Северной Европы, является усиление конкурентоспособности северных культурных и творческих индустрий в глобальной перспективе, укрепление инновационной способности в морском секторе, поддержка новых цифровых инновационных решений, развитие альтернативных источников энергии.

В XX веке в мировой экономике интенсифицировались процессы перехода к новому 6-ому технологическому укладу, основанному на конвергенции науки и технологий. В настоящее время не вызывает сомнения, что динамика международной интеграции ужесточает требования к конкурентоспособности науки в мировом масштабе, ее результативности и способности быстро использовать полученные результаты. Можно констатировать, что страны Северной Европы всецело понимают сложившуюся ситуацию, о чем свидетельствуют ключевые показатели науки и инноваций в исследуемом регионе. Высокого положения в анализируемых мировых рейтингах странам Северной Европы помогают достичь высокие показатели науки и инноваций, а также широкий спектр реализуемых проектов в инновационной сфере.

В ходе исследования инновационной деятельности в европейской части Арктики были проанализированы проектные инновационные решения широкого спектра – от северного строительства до инновационных рыбных кластеров и разработки решений для стареющего населения. Особо отметим,

что все большую роль в настоящее время играет проблема старения населения, увеличение количества хронических заболеваний, а также постоянно растущие ожидания населения стран Северной Европы относительно того, что система здравоохранения должна решать их проблемы. В связи с этим инновационные проекты, призванные решить проблему старения населения, выходят на первый план.

Сформулируем рекомендации для России по развитию инновационной политики с учетом опыта стран Северной Европы в сфере инноватики. В статье показана прямая зависимость повышения уровня инновационности и подушевого ВВП от количества проектов в инновационной сфере. В России целесообразно развивать авангардное направление в реализации инновационной политики, активно продвигая дигитализацию, реализуемую в понятном и доступном виде для различных пользователей. Необходимо также развивать международное сотрудничество со странами Северной Европы, принимая участие в совместных конкурсах и проектах как со всеми Северными странами, так и с Финляндией в рамках её председательства в Арктическом Совете в 2017-2018, программе сотрудничества с Норвегией NORRUS, программе Совета Министров Северных Стран «Nordic Arctic Cooperation Programme».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rc=1&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0ahUKewiimtPL45jQAhUElCwKHTnIB1gQFgghMAE&url=https%3A%2F%2Frg.ru%2Fpril%2F63%2F14%2F41%2F2227_strategiia.doc&usg=AFQjCNHnMryhIKTqvkwTuyEWLKTwZ2iUPQ&sig2=hmTM71zrqTwWArh5Eblhgg&bvm=bv.137904068,d.bGg , свободный. (Дата обращения 20.03.2016).
2. EU Strategy 2020 <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF> , свободный. (Дата обращения 20.03.2016).
3. Global Innovation Index [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_gii_2015.pdf , свободный. (Дата обращения 20.03.2016).
4. High North Dialogue [Электронный ресурс]. URL: <http://www.highnorthdialogue.no/> , свободный. (Дата обращения 20.03.2016).
5. Human Development Index [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report_1.pdf (Дата обращения 20.03.2016)
6. Knowledge Economy Index [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/knowledge-economy-index/knowledge-economy-index-info> (Дата обращения 20.03.2016)
7. Social Progress Index [Электронный ресурс]. URL: http://www.socialprogressimperative.org/data/spi#data_table/countries/spi/dim1,dim2,dim3 (Дата обращения 20.03.2016)
8. UNESCO Science Report. Towards 2030 [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/SC/pdf/USR_final_interactive.pdf (Дата обращения 20.03.2016)
9. World Bank Data. GDP growth [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD/countries/NO-SE-FI-DK-IS?display=graph> (Дата обращения 20.03.2016)
10. World Bank. GDP per capita [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> , свободный. (Дата обращения 20.03.2016).
11. World Bank. Patents [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD/countries/NO-SE-FI-DK-IS?display=graph> , свободный. (Дата обращения 20.03.2016).

REFERENCES

1. Strategy of innovation development of Russian Federation till 2020. [Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda.] Available at: https://www.google.ru/url?sa=t&rc=1&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0ahUKewiimtPL45jQAhUElCwKHTnIB1gQFgghMAE&url=https%3A%2F%2Frg.ru%2Fpril%2F63%2F14%2F41%2F2227_strategiia.doc&usg=AFQjCNHnMryhIKTqvkwTuyEWLKTwZ2iUPQ&sig2=hmTM71zrqTwWArh5Eblhgg&bvm=bv.137904068,d.bGg (accessed 20 March 2016).
2. EU Strategy 2020. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF> , свободный (accessed 20 March 2016).
3. Global Innovation Index [Electronic resource]. Available at: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_gii_2015.pdf , (accessed 20 March 2016).
4. High North Dialogue [Electronic resource]. Available at: <http://www.highnorthdialogue.no/> (accessed

- 20 March 2016).
5. Human Development Index [Electronic resource]. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report_1.pdf (accessed 20 March 2016).
 6. Knowledge Economy Index [Electronic resource]. Available at: <http://gtmarket.ru/ratings/knowledge-economy-index/knowledge-economy-index-info> (accessed 20 March 2016).
 7. Social Progress Index [Electronic resource]. Available at: http://www.socialprogressimperative.org/data/spi#data_table/countries/spi/dim1,dim2,dim3 (accessed 20 March 2016).
 8. UNESCO Science Report. Towards 2030 [Electronic resource]. Available at: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/SC/pdf/USR_final_interactive.pdf (accessed 20 March 2016).
 9. World Bank Data. GDP growth [Electronic resource]. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD/countries/NO-SE-FI-DK-IS?display=graph> (accessed 20 March 2016).
 10. World Bank. GDP per capita [Electronic resource]. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (accessed 20 March 2016).
 11. World Bank. Patents [Electronic resource]. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD/countries/NO-SE-FI-DK-IS?display=graph> (accessed 20 March 2016).

Статья подготовлена при выполнении проекта в рамках государственного задания Министерства образования и науки России 30.207.2016/НМ и Программы стратегического развития ПетрГУ по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Расчет автора статьи

[2] Расчет автора статьи

Recent trends in science and innovation policies in northern Europe: lessons for Russia

PITUKHINA
Maria

*Ph.D. in Political Science,
senior researcher at Budget monitoring center,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, pitukhina@petsu.ru*

Keywords:

Nordic countries
science policy
innovation projects
international rankings

Summary:

The article deals with comparative study of science policies in the Northern Europe (GDP per capita, R&D costs, number of academic degrees holders, citation indexes). The research has shown that favorable conditions in the Northern Europe for both science and innovations development had been shaping for a period of time currently contributing to leadership in international rankings (Social Progress Index, Human Development Index, Global Innovation Index, Knowledge Economy Index).

The article also deals with an attempt to evaluate innovations' influence upon Northern Europe social and economic development. There are two important areas in Nordic innovative projects implementation – traditional (renewable energy resources, sustainable manufacture, innovations and green economy development) and avangarde (innovative solutions dealing with population ageing). Another important contemporary trend outlined in terms of innovative projects is digitalization.

Nordic countries experience is extremely important in terms of recommendations development for Russia aimed at upgrading of the country's innovation policy.

УДК 821.113.6

Роль обложки в презентации и рецепции произведений А. Платонова в Швеции

РОМАНОВСКАЯ

Ирина

Валерьевна

старший преподаватель кафедры скандинавской филологии, филологический факультет, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, romanovskaia.irina@gmail.com

Ключевые слова:

А. Платонов
художественное оформление книги
обложка
рецепция
Швеция
«Происхождение мастера»
«Дон Кихот в революции»
«Котлован»
«Счастливая Москва»
«Джан»
«Чевенгур»

Аннотация:

Роль художественного оформления в презентации и рецепции произведений Андрея Платонова за рубежом впервые стала объектом научного анализа. Материалом послужили издания произведений А. Платонова в Швеции. С точки зрения рецептивной поэтики, визуализация – важнейший способ введения читателя в содержание книги, погружения в художественный мир произведения. Графическо-изобразительное оформление книги отвечает принципу смыслоформирования. В первую очередь – это обложка (суперобложка) изданий. Дизайн обложки неразрывно ассоциируется с содержанием книги. Обложка к «переводной» книге – результат осмысления книжным оформителем темы, проблематики, сюжета, героев конкретного произведения и творчества писателя в целом, через его художественный мир – презентация инациональной культуры.

В статье ставится задача рассмотреть художественное оформление переводов произведений А. Платонова на шведский язык: «Происхождение мастера» (1929), «Дон Кихот в революции» (1973), «Котлован» (2007), «Счастливая Москва» (2008), «Джан» (2009), «Чевенгур» (2016). Рецепция творчества русского советского писателя осуществляется в том числе с помощью художественно-графического оформления книг. Книжные оформители редко отсылают читателя к конкретному эпизоду произведения, чаще передают общее настроение и атмосферу, идейную направленность книги, знакомят с главными образами. Оформление книг Платонова в Швеции призвано концентрировано передать не только дух книги, но и дух времени, культуры, в которых книга создавалась.

Шведский редактор и книжный художник У. Валлин при оформлении обложек произведений А. Платонова обращается к советскому изобразительному искусству 1930-х гг. Произведения Платонова о строительстве социализма («Котлован», «Счастливая Москва», «Джан») в диалоге с картинами А. Н. Волкова, А. Н. Самохвалова, А. А. Дейнеки представляют читателю советскую эпоху с разных точек зрения.

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 27 декабря 2016 года

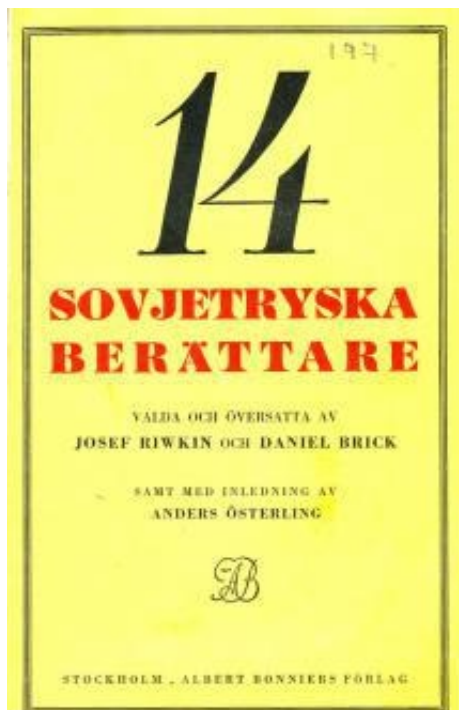
Принцип визуализации широко используется в литературе для обозначения различных способов преобразования «информации» о художественном произведении (сюжете, идее, образах и пр.) в зрительный код, доступный для восприятия читателя. Прозе Андрея Платонова свойственна низкая степень визуализации [9: 210], и любая возможность опереться на изобразительный, зрительный, ряд представляет большой интерес. Акт созерцания обладает особым эффектом – в центре внимания оказывается не непосредственно изображаемое, а аллегория, т. е. представление, созданное посредством конкретного изображения. В отличие от вербального воздействия на человека, перекодирование текста в изображение быстрее вводит читателя в художественный мир произведения и знакомит с целостной концептуальной картиной литературного сочинения.

В данной статье мы впервые обратимся к анализу обложек и суперобложек произведений А. Платонова как сочетанию двух уровней визуализации – формального (обложка как неотделимая часть книги) и содержательного, т.е. смыслового.

По мнению М. К. Поповой, возникновение типографской обложки повлекло за собой необходимость в оформлении поверхности книги сообразно её содержанию [15: 117]. В современном мире интересно оформленная книга – это маркетинговый ход, позволяющий привлечь дополнительное внимание читателей дизайном книги и, соответственно, увеличить её продажи. Оформление книги становится эффективной рекламой, при помощи которой издатели повышают спрос на издание. С обложки издания (обложка – это лицо книги) начинается знакомство читателя с книгой, она сопровождает читателя во время чтения и после напоминает о прочитанном. Графическо-изобразительное оформление книги отвечает принципу смыслоформирования. Дизайн обложки неразрывно ассоциируется с её содержанием. Книжный художник, создавая облик книги, обычно изображает не конкретный эпизод произведения, а передает настроение книги, представляет образный ряд. Изображение является концептуальным: оно призвано раскрыть идейно-художественное своеобразие книги, приоткрыть завесу над содержанием произведения и эмоционально настроить читателя на восприятие текста.

Практически все произведения Андрея Платонова, переведенные на шведский язык, имеют яркое художественное оформление, передающее идейно-художественное своеобразие творчества писателя.

Повесть «Происхождение мастера» [4] А. Платонова о жизни русской провинции в дореволюционный период вошла в шведский сборник «14 советских русских писателей» (1929 г.), подготовленный Й. Ривкиным и Д. Бриком. Обложка данного сборника имеет монохромный, желтый, цвет (рис. 1).

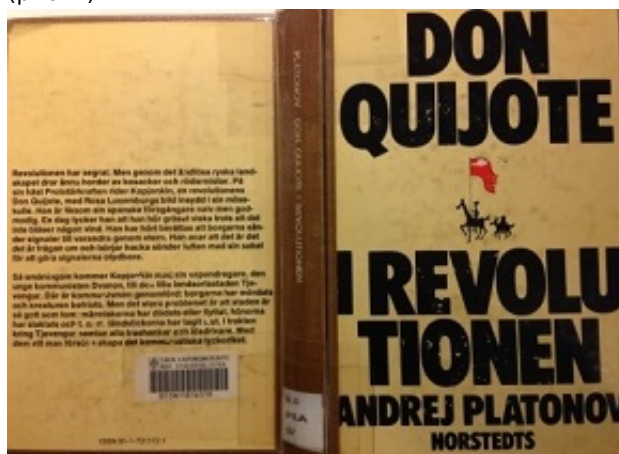
«14 советских русских писателей» входит в желтую серию издательства Бонниер, в которой публиковались новинки зарубежной литературы. Серия имеет яркий цвет и необычную графику.

Желтый цвет привлекает внимание, его функция заключается в том, чтобы формировать интерес у читателей к современной литературе.

Вынесенный на обложку крупным шрифтом цифроним «14» имеет «внутреннее» значение для сборника – оно указывает на четырнадцать различных авторских версий о жизни в советском мире. Составители, включив в сборник произведения о дореволюционной и пореволюционной жизни, сумели создать облик «молодой» советской литературы.

Революционный вектор издания отмечен красным шрифтом по центру обложки. Красный цвет часто обладает социальной значимостью, он является символом обновления, революции.

Обложка романа «Чевенгур» [2], вышедшего в Швеции в 1973 г. в переводе С. Вальмарка, обыгрывает оксюморон «рыцари революции»: в Швеции роман впервые был опубликован под названием «Дон Кихот в революции» (рис. 2).

В XX в. в Швеции имя русского писателя было малоизвестно шведскому читателю, семантика слова «Чевенгур» не прочитываема, она включает «темный» смысл. С. Вальмарк сознательно меняет название романа и опирается на хорошо известный во всем мире роман М. Сервантеса «Дон Кихот». Замена названия – это один из способов представить читательской аудитории нового автора и его роман, опираясь на общеизвестные представления читателей о литературе.

На обложке шведского издания 1973 г. крупным шрифтом написано заглавие книги, и далее в уменьшающемся масштабе имя автора и название издательства. Использована контрастная цветовая гамма: желтый, красный, черно-зеленый цвета. В отношении «Дон Кихота в революции» книжный оформитель использует также желтый цвет в качестве фона для обложки. Желтый цвет не только привлекает внимание читателей, но и заключает в себе сложную семантику света (Чевенгур как город солнца), что подчеркивает утопическую линию в романе.

В центре графической миниатюрой изображены образы двух странников из романа М. Сервантеса – Дон Кихот и его преданный друг-оруженосец Санчо Панса. На обложке романа Платонова в руках Дон Кихота оказывается красный флаг (в романе Сервантеса Дон Кихот держит копье). Красный флаг – символ Советской России, это символ революции.

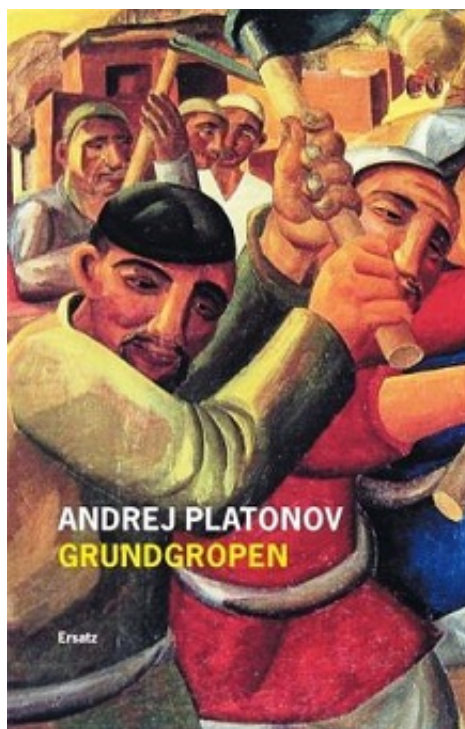
Читатель воспринимает эту книгу как роман-путешествие (подзаголовок в ранней редакции Платонова «Путешествие с пустым сердцем»), в котором два героя (Копёнкин и Дванов) отправляются по стране и смотрят, как строится коммунизм. Эта обложка относится к числу так называемых «говорящих», когда название романа и мини-образы, изображенные на ней как литературная аллюзия на роман Сервантеса, раскрывают основное содержание, композицию и жанровое своеобразие произведения.

Тема революционного рыцарства с сервантовской аллюзией у Платонова существует в подтексте, в образном решении. Шведский переводчик, а вслед за ним художник вывели эту тему как главную. Рыцарская тема в оформлении обложки редко встречается в отечественных изданиях (как правило, оформители создают образ деревни), однако на обложке к изданию романа в 1990 г. (Иркутск) [13] на переднем плане изображен образ рыцаря со шпагой, позади которого видны «ветхие опушки провинциальных городов».

Привлекает внимание оформление изданий «Котлован» (2007), «Счастливая Москва» (2008) и «Джан» (2009), подготовленных основателем и директором стоковского издательства «Ersatz»,

редактором У. Валлин. В отличие от предыдущих изданий, где речь шла об обложке, т.е. «поверхности» самой книги, у последующих изданий ключевая информация находится на суперобложке. Суперобложка дает больше простора для фантазии: это в большей степени картина (иллюстрация), нежели текст. Иллюстрация, т.е. фантазия художника на тему литературного произведения, стимулирует фантазию читателя, ассоциации, эмоции и мысли. По мнению Я. Чихольда, «суперобложка является маленьким плакатом, который должен привлечь к себе внимание, и здесь дозволено многое из того, что в самой книге казалось бы неподобающим» [20: 20].

Суперобложка шведского издания повести «Котлован» (рис. 3) выполнена в охристых тонах с преобладанием красно-коричневого, оранжевого цветов, изображение навеивает восточные, азиатские, мотивы.

В основе обложки лежит картина советского живописца, народного художника Узбекской ССР А. Н. Волкова «Окучка хлопка» (1930-е гг.). Волков воспевал красоту Востока, использовал широкий диапазон ярких красок. Художника по праву именовали «поэтом красок Востока».

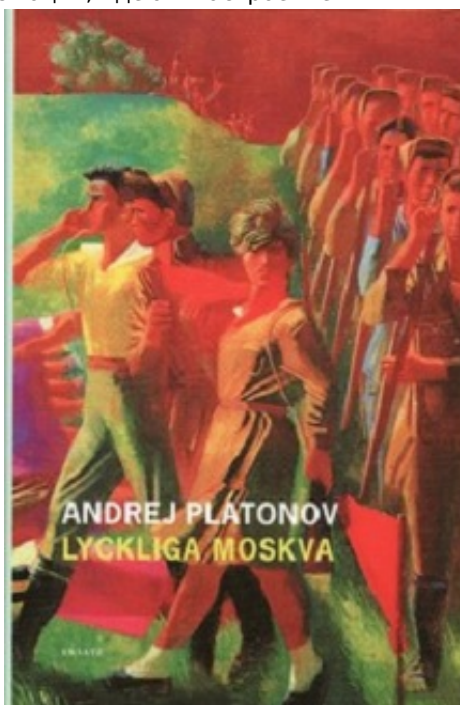
Художественный мир повести не многоцветен. Казалось бы, выбранная художником-оформителем насыщенная колористическая гамма (желто-красно-коричневый цвет) мало связана с платоновским повествованием, однако и не противоречит последнему. Желтый у Платонова использован в сильной семантической позиции (желтые глаза героя, замученного революционными преобразованиями). Коричневый (цвет земли) и красный (цвет революционной идеи жизни-борьбы) важны в идеологическом и философском планах «Котлована». На обложке «Котлована» в центре внимания оказывается красный цвет как цвет трудового напряжения. В «Словаре символов» Дж. Тресиддера слово красный ассоциируется со значениями «сильный», «тяжелый», «эмоциональный», его связывают «с жизненным началом, активностью, изобилием» [19]. Оттенки красного символизируют жизненную энергию, физическую силу, решимость, мужество. Красный цвет – это и цвет мученичества. Платоновские герои – люди, отдавшие свои силы и жизнь на достижение общей цели: построить «общепролетарский дом» счастья. Традиционная символика (красный как цвет огня и крови) отсутствует.

Эмоционально сильное изображение не привязано к какому-либо конкретному эпизоду повести, но отражает сюжет первой части «Котлована», когда землекопы отправляются рыть яму под строительство общепролетарского дома. На переднем и заднем планах находятся по три мужчины, ни один из которых не обладает «славянской» внешностью. В представлении европейцев Россия – азиатская страна. По этнической принадлежности изображенные мужчины – выходцы из Центральной Азии. Внешне мужчины похожи друг на друга: у них узкие темные глаза, черные тонкие длинные брови, плоские носы, сомкнутые губы, смуглая кожа, мощные, сильные руки, покорный взгляд. Единственное, что отличает этих мужчин, – это цвет одежды.

Образы, словно штампованные фигуры, – в них отсутствует неповторимость и уникальность. Перед глазами читателя возникает человек-масса. М. Михеев подметил, что для платоновских героев характерно «прототипическое сходство», в центре внимания «некий человек вообще, средний, массовый, приблизительный» [11: 89]. Превращение человека в массу, индивидуального в безличностное, – это одна из главных тем в повести А. Платонова.

Обычно А. Платонов не дает подробного портретного описания своим героям, останавливаясь лишь на нескольких деталях. Чиклин описан как «не старый, но седой от счета природы человек» [12: 28], «бесцельный мученик» [12: 37]. Козлов был «ничтожен всем телом», его лицо обросло «по окружности редкими волосами» [12: 29], а кости прорывались наружу [12: 32], Пашкин имел «пожилое лицо и согбенный корпус тела» [12: 34] и т.д. Ни один из образов с обложки не соответствует портретным описаниям героев. У А. Платонова в повести изображены истощенные, усталые, обессиленные, исхудалые, тощие, костлявые герои. И. А. Спиридонова, анализируя портретные характеристики героев, пишет: «"убогость", "корявость", "сирость", "скудость", "бедность" – едва ли не самые устойчивые спутники-характеристики самых разных героев писателя» [18: 182]. Здесь же, на обложке, представлена полная противоположность платоновским героям: мужчины полны сил и энергии, здоровые, крепкие, крупного телосложения с мощными руками. Корпус тел наклонен вперед, и они, поднимая руки, готовятся широко замахнуть орудиями. Так создается эффект динамичности, интенсивности работы.

Иллюстрация не раскрывает в полной мере содержание произведения. Нестрогое, подчас «ошибочное» относительно платоновского текста изображение влияет на восприятие повести у представителей шведской культуры, отсылая скорее к истории азиатской страны. Однако и платоновское повествование лишено строгой национально-исторической конкретики. Таким образом, изображение в целом передает эмоции, идею и настроение книги.

Суперобложка романа «Счастливая Москва» (рис. 4) выполнена в таком же стиле, что и обложка «Котлована». В качестве изображения взята часть картины крупнейшего советского художника А. Н. Самохвалова «Военизированный комсомол» (1932–1933). Самохвалов стремился запечатлеть современный мир, строительство новой жизни. Как отклик на современную жизнь, художник изображает коммунистическое молодежное движение, готовое продемонстрировать военную силу. Художник, вспоминая о моменте создания картины, писал, что она «была связана с пятнадцатилетием Красной Армии»: «я увидел небольшой участок поля, занятый молодежным стрельбищем. Девушки с винтовками лежа стреляли по цели, где-то тут же учились строю комсомольцы. Я написал эскиз будущей картины... Композиция картины очень ясная. Море и громадный участок свежеспаханного поля. На зеленом лугу переднего плана группа девушек, лежа, вырабатывает в себе снайперские навыки. Яркие, цветные одежды молодежи обогащают колорит картины. Прямо на зрителя идет строй вооруженных

комсомольцев, а на переднем плане девушка в военном костюме с противогазом замыкает композицию» [16].

Доминирующие цвета на обложке книги – красный, терракотовый, красно-коричневый и зеленый. Закономерно, что преобладающим тоном также является красный: красный цвет актуализирует советскую тематику. Красный, кроме того, символизирует жизнь-борьбу. На переднем плане мы видим красный флаг как символ советского уклада жизни.

На обложке шведского перевода девушка ассоциируется с Москвой Ивановной Честновой – центральным образом романа. Молодая женщина с узкими глазами, острым носом и пепельными волосами в оливковом платье и развевающимся по ветру красным шарфом держит на плече ружье. Она выглядит как солдат, как «Красная Армия». У. Валлин подобрал такой живописный образ, который соответствует героине романа. А. Н. Самохвалову, автору картины, удалось воспроизвести новый образ женщин, «что-то безвозвратно потерявших в своем облике и все же остающихся женщинами с женской грацией и красотой даже в мужской работе» [17]. В образе Москвы Честновой соединено мужское и женское начало. По мнению М. Богомоловой, «портрет у Платонова позволяет разграничить “женское” и “мужское”, но одновременно проявляет тенденцию к нейтрализации этих оппозиций» [8: 236]. Платье свободного кроя, белые носочки, красный шарф на округлых формах – это то, что подчеркивает женственность героини. Однако короткая стрижка, телодвижение, шаг героини и наличие оружия – атрибуты мужские, армейские.

На полотнах А. А. Дейнеки, А. А. Мыльникова и других советских художников, писавших в духе соцреализма, часто возникает образ мужественной женщины – сильной, активной, крупного телосложения с округлыми формами. Образ советской женщины запечатлен В. Мухиной в монументальной композиции «Рабочий и колхозница».

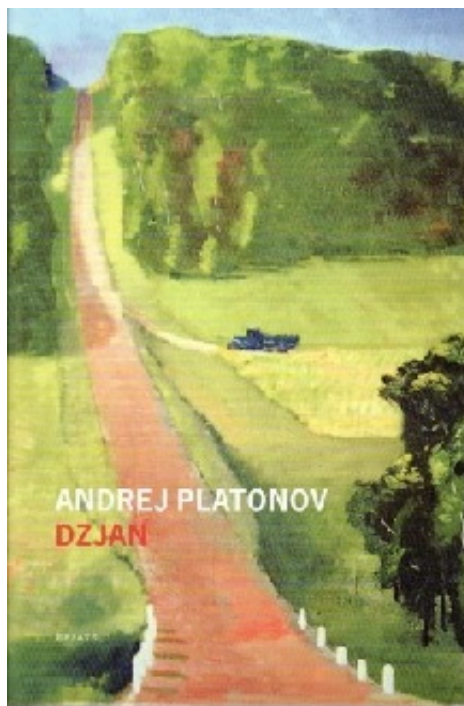
Общее устремление героев романа – активно участвовать в строительстве нового мира, быть «первопроходцами» социализма передано иллюстрацией. Присутствует и некая недосказанность, незавершенность: непонятно, куда именно движутся молодые люди. Мы можем лишь предполагать, что они направляются навстречу счастливой жизни. Твердый шаг и оружие говорят о решимости, готовности к преобразованию окружающего мира, созиданию нового. Как и на обложке «Котлована», доминируют типические черты: на мужчинах надета одежда похожего кроя, одинаковые головные уборы, руки подняты в одну сторону.

За главным женским образом, ассоциирующимся с Москвой Честновой, находятся двое мужчин. Первый – в темной рабочей одежде – напоминает мужчину с факелом, которого Москва видела ночью из окна в раннем детстве. На обложке он находится в общем марше, торопится, стремительно движется в общем направлении. Второй – в белой рубашке, сине-зеленых брюках и высоких сапогах – в визуальной детализации не соотносится ни с одним из мужских образов романа и одновременно представляет их всех.

На заднем плане создана проекция новой жизни в виде веселящихся, играющих на поляне детей. Дети на картине Самохвалова символизируют счастливое будущее, мечту, которой в романе Платонова не суждено сбыться.

Суперобложка шведского перевода романа в большей степени отражает тему, проблематику произведения, а не концентрирует внимание на образе главной героини. Для сравнения приведем обложку отечественного издания [14], где изображен образ могучей советской женщины в красной одежде. Это изображение также взято с картины А. Н. Самохвалова. Картина называется «Кондукторша» (1928). Обложка шведского издания несет в себе двойной смысл: она знакомит с образом героини и раскрывает смысл древней мифологемы «женщина – город – социум».

Обложка повести «Джан» [3] (рис. 5) в шведском переводе существенно отличается от иллюстраций к предыдущим изданиям, подготовленных У. Валлин. На обложку вынесен летний пейзаж, выполненный в основном в зеленых тонах, сочетающих как светлые, так и темные оттенки зеленого. Зеленый цвет – цвет растительного мира, символизирует силы природы, энергию жизни. Обложка книги подводит читателей к философской проблеме «цивилизации» и «природы», столь важной в творчестве Платонова. У. Валлин для ее иллюстрации обращается к творчеству другого крупнейшего советского живописца А. А. Дейнеки. Картина называется «Проселочная дорога».

На обложке мы видим расстилающиеся зеленые поля, чистое голубое небо, перемежающиеся высокие холмы и низины. Связь изображения с текстом повести «Джан» является сомнительной, несмотря на наличие некоторых точек соприкосновения. Начальное и финальное место действия в повести – Москва. Основное действие повести, как известно, разворачивается в пустыне. Здесь же, на обложке, природа пышет и излучает жизнь.

В построении композиции центральным образом является дорога, устремленная «по вертикали» вверх, в небо. Образ дороги имеет символическое значение в творчестве Платонова и может быть истолкован по-разному. Сюжетообразующий образ (мотив) дороги неразрывно связан с движением в пространстве и времени с образом путешественника или странника. Образ прямой, неискривленной дороги – это символ праведных мечтаний героя. Это ясный путь, о котором мечтает человек. Яркие цвета в изображении подчеркивают подлинную красоту мира, гармонию, утопический идеал. Как отмечает Н. М. Малыгина, герои произведений Платонова устремляются к небу, чтобы «избежать подстерегающей их “гибельной участи”» [10: 72] на земле. Обложка книги актуализирует жанровый подтекст утопии и идиллии, и в то же время указывает на вечную драму пути человека. «Далекая» от содержания «Джана», суперобложка книги «держит» общую проблематику творчества Платонова, означенную в начальном фрагменте романа «Чевенгур».

Последнее издание – роман А. Платонова «Чевенгур» в переводе К. Э. Линдстен [6] – вышло в Швеции в 2016 г. В XXI веке имя А. Платонова не требует представления, как и его роман, который без преувеличения можно сказать, известен во всем мире. На обложке издания крупным шрифтом с повторами дано имя автора и название романа «Чевенгур». Обложка книги (рис. 6) подготовлена известным шведским дизайнером, специализирующемся на создании обложек для книг, Х. Лильемеркером (Håkan Liljemärker). Обложка значительно отличается от предыдущих: она обладает лаконичным дизайном и выполнена в духе минимализма. На обложке пересекают друг друга белые полосы с названием романа и имени автора на черно-золотом фоне. По мнению К. А. Баршта, оба этих цвета (черный и золотой) апокалиптически: «черный цвет – цвет небытия» [7: 138], «желтый цвет золота становится в произведениях Платонова цветом смерти» [7: 287], «маркирует остановку Мироздания» [7: 138]. Графическая композиция символизирует пути-перепутья истории и человеческой жизни. Эта обложка «скрывает» за собой глубину содержания произведения. Своим дизайном она как будто говорит: «Прочтите книгу и вы узнаете, что такое *Чевенгур* и кто есть *Платонов*».

Подводя итог обзору оформления книг А. Платонова в Швеции, отметим, что дизайн изданий (в особенности последних произведений) рассчитан на широкую аудиторию: как на специалистов-филологов, так и на рядовых читателей. Экспликация визуального ряда на обложках шведских переводов произведений русского писателя чрезвычайно важна – использованные книжным художником шрифт, цвет, стиль, изобразительный ряд раскрывают внутреннее содержание, символически и аллегорически указывают на главную тему художественных сочинений Платонова и советской истории – попытку реализации социалистической утопии. Картины советских художников, использованные в оформлении суперобложек, написаны в то же время, что и произведения А. Платонова – «Котлован», «Счастливая Москва», «Джан», типологически соотносятся и одновременно находятся в творческом диалоге с последними в художественном воссоздании эпохи. Факт обращения шведского книжного оформителя к советскому изобразительному искусству 1930-х гг. свидетельствует о том, что в шведском восприятии Платонов не входит в число антисоветских писателей. Анализ изобразительного ряда в динамике переводов и публикаций произведений А. Платонова в Швеции показал всё возрастающую роль его творчества в понимании русской и мировой истории XX века, в межкультурных коммуникациях, в освещении проблем взаимоотношений человека и мира.

Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Platonov A. Grundgropen. Stockholm: Ersatz, 2007. 191 p.
2. Platonov A. Don Quijote i revolutionen. Stockholm: P.A. Norstedt och Söners förlag, 1973. 318 p.
3. Platonov A. Dzjan. Stockholm: Ersatz, 2009. 192 p.
4. Platonov A. En mästars tillkomst // 14 sovjetryska berättare. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1929. P. 166–191.
5. Platonov A. Lyckliga Moskva. Stockholm: Ersatz, 2008. 160 p.
6. Platonov A. Tjevengur. Stockholm: Ersatz, 2016. 560 p.
7. Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 320 с.
8. Богомолова М. Портрет в прозе А. Платонова. Итоги изучения и нерешенные проблемы // *Russian Literature V. 73, Issues 1–2*, P. 229–253.
9. Злыднева Н. В. Изображение и слово в риторике русской культуры XX века. М.: «Индрик», 2008. 304 с.

10. Малыгина Н. М. Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие. М.: МПУ, 1995. 96 с.
11. Михеев М. Ю. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М.: Изд-во МГУ, 2003. 408 с.
12. Платонов А. Котлован. Текст, материалы творческой истории. СПб: «Наука», 2000. 401 с.
13. Платонов А. П. Чевенгур: [Роман]; Послесл. Н. Малыгиной. Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1990. 416 с.
14. Платонов А. Счастливая Москва. СПб.: Азбука-Аттикус, 2012. 224 с.
15. Попова М. К. Книжная обложка: знак статусности владельца, отражение художественного мира автора или товарный знак? // *Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки»*. 2014. №5 (2). С. 115–118.
16. Самохвалов А. Н. Мой творческий путь. Л.: Изд-во Художник РСФСР, 1977. 320 с.
17. Советские Венеры Александра Самохвалова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.livemaster.ru/topic/1033417-sovetskie-venery-aleksandra-samohvalova>, свободный. (Дата обращения 20.03.2016).
18. Спиридонова И. А. Портрет в художественном мире Платонова // *Русская литература*. СПб, 1997. №1. С. 170–183.
19. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
20. Чихольд Я. Облик книги. Избранные статьи о книжном оформлении. М.: Книга, 1980. 243 с.

REFERENCES

1. Platonov A. Grundgropen. Stockholm: Ersatz, 2007. 191 p.
2. Platonov A. Don Quijote i revolutionen. Stockholm: P.A. Norstedt och Söners förlag, 1973. 318 p.
3. Platonov A. Dzjan. Stockholm: Ersatz, 2009. 192 p.
4. Platonov A. En mästaress tillkomst // 14 sovjetryska berättare. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1929. P. 166–191.
5. Platonov A. Lyckliga Moskva. Stockholm: Ersatz, 2008. 160 p.
6. Platonov A. Tjevengur. Stockholm: Ersatz, 2016. 560 p.
7. Barsht K. Poetics of prose of Andrey Platonov [Poetica prozy Andreyeva Platonova]. St.Petersburg: Philological faculty of St. Petersburg State University. 2000. 320 p.
8. Bogomolova M. The portrait in A. Platonov`s prose: Results and unsolved problems [Portret v proze A. Platonova. Itogi izucheniya i nereshennyye problemy] // *Russian Literature* 2013. V. 73, Issues 1–2, P. 229–253.
9. Zlydneva N. V. The image and the word in rhetoric of Russian culture of the 20th century [Izobrazhenie i slovo v ritorike russkoy kul'tury XX veka]. Moscow: «Indrik», 2008. 304 p.
10. Malygina N. M. The art word of Andrey Platonov [Khudozhestvennyy mir Andreyeva Platonova]. Moscow: MPU, 1995. 96 p.
11. Mikheev M. YU. To Platonov`s world through his language. Assumptions, facts, interpretations, guesses [V mir Platonova cherez ego yazyk. Predpolozheniya, fakty, istolkovaniya, dogadki]. Moscow: Publishing house of Moscow State University, 2003. 408 p.
12. Platonov A. The Foundation Pit. Text, materials of creative history [Kotlovan. Tekst, materialy tvorcheskoy istorii]. St. Petersburg: «Nauka», 2000. 401 p.
13. Platonov A. Chevengur: [roman]; poslesl. N. Malyginoy. [Chevengur]. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk University, 1990. 416 p.
14. Platonov A. Happy Moscow [Schastlivaya Moskva]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus, 2012. 224 p.
15. Popova M. K. Book cover: sign of the owners status, reflection of the art world or trademark? [Knizhnaya oblozhka: znak statusnosti vladel'tsa, otrazhenie khudozhestvennogo mira avtora ili tovarnyy znak?] // *News of higher education institutions*. 2014. №5 (2). P. 115–118.
16. Samokhvalov A. N. My creative career [Moy tvorcheskiy put']. Leningrad: Publishing house Artist of RSFSR, 1977. 320 p.
17. Sovjet Venus of Aleksandra Samokhvalov [Sovetskie Venery Aleksandra Samokhvalova] [Electronic source]. Available at: www.livemaster.ru/topic/1033417-sovetskie-venery-aleksandra-samokhvalova (accessed 20 May 2016).
18. Spiridonova I. A. The portrait in A. Platonov`s art world [Portret v khudozhestvennom mire A. Platonova]. // *Russian Literature*. St. Petersburg. 1997. № 1. P. 170–183.
19. Tresidder J. Dictionary of symbols [Slovar` simvolov]. Moscow: FAIR-PRESS, 1999. 448 p.
20. Chikhol'd J. Shape of the book. Chosen articles on book cover design [Oblik knigi. Izbrannyye stat`i o knizhnom oformlenii]. Moscow. 1980. 243 p.

Role of cover in the presentation and reception of Platonov`s works in Sweden

ROMANOVSKAYA
Irina

*Senior lecturer of the Department of Scandinavian Philology,
Faculty of Philology,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, romanovskaia.irina@gmail.com*

Keywords:

A. Platonov
decorating of the book
cover
reception
Sweden
«Mästarens tillkomst»
«Don Quijote i revolutionen»
«Grundgropen»
«Lyckliga Moskva»
«Dzjan»
«Tjevengur».

Summary:

The role of decoration in the presentation and reception of Andrey Platonov`s works published abroad for the first time became object of the scientific analysis. Editions of A. Platonov`s works published in Sweden have served as material for this article.

In terms of receptive poetics, visualization is the most important way of introduction of the reader to the contents of the book, immersion in the art world. Graphic solutions of the book, first of all covers of editions, form sense. The design of the cover is inseparably associated with the book contents. A cover of the «translated» book is a result of the perception of a subject, perspective, plot, heroes of concrete work and works of the writer in general by the book cover designer, presenting the other culture through his art world.

This article seeks to examine the decorations of the translations of works by Platonov into Swedish: «Mästarens tillkomst» (1929), «Don Quijote i revolutionen» (1973), «Grundgropen» (2007), «Lyckliga Moskva» (2008), «Dzjan» (2009), «Tjevengur» (2016).

The reception of the creativity of this Russian Soviet writer is carried out through the books' artistic and graphic design. Book designers rarely refer the reader to a specific episode of works, they more often convey the overall mood and atmosphere, the ideological orientation of the book, readers are introduced to the main image. Platonov's book cover design in Sweden aims to convey not only the spirit of the book, but the spirit of the time, the culture in which the book was created.

In making Platonov's books covers the Swedish editor and book cover designer U. Vallin addresses the Soviet fine arts works of the 1930th on construction of socialism in dialogue with A. N. Volkov, A. N. Samokhvalov, A. A. Deyneki's paintings presenting to the reader the Soviet era from the different points of view.

Рецензия на кн.: Näin Suomea Viedään. Vs-kustannus, Alajärvi, 2015. 258 S. (Так Финляндию втягивают [в военный союз])

**КИЛИН
Юрий
Михайлович**

*доктор исторических наук,
директор Института североамериканских
исследований ПетрГУ, заведующий кафедрой
зарубежной истории, политологии и международных
отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, kilinyuri@mail.ru*

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 27 декабря 2016 года

4 сентября 2014 г. на саммите НАТО в Уэльсе командующий оборонительными силами Финляндии Ярмо Линдберг и командующий вооруженными силами Швеции генерал Сверкер Горансон в присутствии министров обороны двух стран подписали Меморандум о взаимопонимании, согласно которому страны присоединились к программе Североатлантического альянса Поддержка принимающей страны (Host Nation Support). В Финляндии Меморандум вступил в силу в день подписания, в Швеции документ был ратифицирован парламентом 25 мая 2016 года.

Генералы Я. Линдберг (слева) и С. Горансон (справа) подписывают Меморандум о взаимопонимании. В центре – Верховный главнокомандующий ОВС НАТО в Европе генерал Ф. Бридлав.

Официальная фотография НАТО, 4.9.2014. Источник: http://www.iltalehti.fi/uutiset/2014090418632845_uu.shtml

Командующий оборонительными силами Финляндии генерал Ярмо Линдберг. Источник: <http://static.mvlehti.net/uploads/2016/05/jarmo-lindberg.jpg>

Эта новая для двух прежде нейтральных государств Северной Европы форма взаимодействия с НАТО включает в себя право принимающей страны приглашать войска альянса или других стран как в мирное время, так и в период кризиса. Ответом финских критиков идеи вступления Финляндии в НАТО стала публикация рецензируемого нами памфлета, содержащего как авторские статьи, так и публикации неофициальных переводов Меморандума на финский [1; 63–88] и шведский [1; 227–250] языки¹.

Кратко представим авторов памфлета, подвергших жесткой критике как сам факт подписания Меморандума о Поддержке принимающей стороны, так и Европейский союз, который, по их мнению, проводит секретную дипломатию, заключая далеко идущие договоры, реализация которых будет означать дальнейшее снижение роли национальных государств и постепенный демонтаж государств благосостояния. Книга ставит вопрос о том, являются ли финны народом, образующим независимую нацию, или же представляют собой строительный материал для великих держав [1; 3].

Самые яркие страницы памфлета принадлежат бывшему министру иностранных дел Финляндии, специалисту в области международных отношений профессору Кейо Корхонену, критичное острое перо которого уже долгие годы не приемлют мейнстримовые финские СМИ [1; 7, 8].

Кейо Корхонен - министр иностранных дел Финляндии (29.9.1976-15.5.1977). Источник: <http://www.iltasanomat.fi/kotimaa/art-2000000998234.html>

Автором материала о приспособлении законодательства Финляндии к потребностям НАТО и раздела памфлета, посвященного анализу власти средств массовой информации и их связей с крупным капиталом, оценке воздействия свободной торговли в рамках ЕС на финское общество, является журналист-исследователь Риика Сёюринг, баллотировавшаяся на выборах в эдускунту (парламент) Финляндии в 2011 году от Партии независимости по избирательному округу Южное Саво.

Риика Сёуринг. Источник: <http://www4.vaalikone.fi/eduskuntavaalit2011/tulos/ehdokas/09/2/>

Предисловие к памфлету и анализ последствий подписания Финляндией Меморандума о Поддержке принимающей стороны принадлежат перу члена Партии независимости Маури Нюгорду, ведущему блога «Инакомыслящий» (<http://toisinajattelija.fi/>).

Маури Нюгорд. Источник: <http://toisinajattelija.fi/toisinajattelija-sai-kunnian-tulla-hakkeroiduksi/>

Автором заключительной части памфлета является Антти Песонен, председатель Партии независимости², выступающей за выход Финляндии из Евросоюза и против вступления страны в НАТО. Антти Песонен также является главным редактором газеты «Свободная Финляндия» (*Vapaa Suomi*)³.

Антти Песонен. Источник: <http://ipu.fi/hallitus-rikkoo-perustuslakia-naton-isantamaasopimuksella/>

В написанном Маури Нюгордом предисловии отмечается преемственность памфлета, который является продолжением опубликованной в 1995 году Союзом свободной Финляндии книги «Во что втягивают Финляндию». По его мнению, на этот раз ситуация гораздо более тяжелая – в памфлете приводится множество примеров «наглого» втягивания страны в невыгодные для нее западные проекты – поскольку в Финляндии на основе общих антинародных интересов образовался «безмолвный союз» крупного капитала, мейнстримовых СМИ и политической элиты, единственной целью которого является демонтаж общества благосостояния со скоростью, какую только могут выдержать избиратели. Преследуя эту цель, «безмолвный союз» подвергает цензуре важную для избирателей и граждан информацию, формируя квазидемократию и предотвращая избрание в парламент представителей оппозиционных партий [1; 5].

Задавая тон дальнейшему изложению проблематики, связанной с Меморандумом о Поддержке принимающей стороны, Маури Нюгорд характеризует его как «пакт о капитуляции Финляндии», обращая внимание на незаконность этого документа, не подвергшегося процедуре парламентского обсуждения и не имеющего перевода на финский язык, что является нарушением принятых в международной дипломатии процедур, так как Меморандум является не простым протоколом, как утверждает правительство Финляндии, а международным договором [1; 8]. Для того, чтобы сделать содержание Меморандума доступным для граждан Финляндии, памфлет предлагает неофициальный перевод этого документа на финский язык [1; 63–88], доступный также в интернете⁴. В свою очередь шведская пацифистская организация «Народная кампания против НАТО» (Folkkampanjen mot Nato) предоставила для публикации в памфлете перевод на шведский язык Меморандума, подписанного Швецией и НАТО [1; 227–250].

Критика профессором Кейо Корхоненом Меморандума о взаимопонимании в разделе «**Договор о передаче**» начинается с констатации несостоятельности официальной позиции правительства Финляндии, не давшего возможности парламенту обсудить документ под предлогом того, что он является не международным договором, «а лишь взаимопониманием». Бывший министр иностранных дел Финляндии посоветовал правительству поменять юристов, не знающих даже азов международного права, указав на Венскую конвенцию 1980 года (Vienna Convention on the Law of Treaties), согласно которой международным договором (treaty) является межгосударственное соглашение (agreement), по

которому государство берет на себя определенные обязательства. «Взаимопонимание» является одним из примерно 15 видов международных договоров [1; 17].

По мнению Кейо Корхонена, поведение правительства, нарушившего нормы демократии и испытывавшего страх перед публичной дискуссией, становится понятным после ознакомления с текстом Меморандума. Суть договора заключается в безусловной и обязательной передаче государствам-членам НАТО суши, акватории и воздушного пространства Финляндии для проведения любых военных операций, что сделало этот документ еще одним «большим гвоздем, забитым в гроб независимости Финляндии» и одним из «самых позорных пятен» за всю историю страны. Цитируя одну из статей Меморандума, предусматривающую транзит войск государств-членов через территорию Финляндии, Корхонен задает вопрос: «куда будут маршировать войска НАТО через ее территорию? Посмотрите на карту – в Швецию?» [1; 18].

Отмечая содержащиеся в тексте Меморандума положения, дающие Североатлантическому альянсу «неограниченные права» на «переброску боевых войск и их снабжение» на территории Финляндии, что необходимо «для достижения целей в военных операциях и экспедициях любого рода», автор вновь задает вопрос: «против кого планируется наступательная война с использованием территории Финляндии?». Корхонен отмечает то важное обстоятельство, что конкретные вопросы военного сотрудничества в рамках Меморандума: количество и качество войск и вооружений, их дислокация, снабжение, сбор разведанных, система связи и управления, будут решаться в дальнейшем посредством заключения дополнительных секретных соглашений между НАТО и Финляндией [1; 18, 19].

Кроме того, в Меморандуме нет никаких ограничений или оговорок об условиях, которые могут привести к применению его положений, упоминаний о предшествующей этому военно-политической ситуации, количестве и качестве войск и вооружений, перебрасываемых в Финляндию государствами-членами НАТО; договор не исключает использование суши, акватории и воздушного пространства страны даже для размещения или применения с ее территории ядерного оружия. Указав на внешнее сходство Меморандума и транзитного договора 1940 г., заключенного финским правительством с нацистской Германией, Кейо Корхонен отмечает большее «удушающее воздействие» для независимости государства Меморандума, который является ничем иным как «пактом о капитуляции» Финляндии [1; 19, 20].

Размышляя о последствиях гипотетического формального вступления Финляндии в НАТО, профессор Корхонен указывает на отсутствие у альянса собственных вооруженных сил, его преимущественно «бумажный» характер, определяя роль своей страны в возможном крупномасштабном военном конфликте – незначимая для обороны стран Западной и Центральной Европы Финляндия будет являться передовым рубежом, предпольем, используемым НАТО в своекорыстных целях. Пронатловски настроенных финских пикейных жилетов, с пивной кружкой в руке рассуждающих о применимости решений периода второй мировой войны в ядерную эпоху и надеющихся на ядерный зонтик США, автор окатывает ледяным душем, заявляя, что мировой гегемон, в реальности не имеющий серьезных противоречий с Россией, не станет рисковать началом мировой войны из-за Финляндии, стран Прибалтики, Польши и Украины, а вероятность войны между Россией и США равняется нулю [1; 20–22].

Непонимающим геополитическую ситуацию, связанную с продвижением НАТО на восток, создающим непосредственную военную угрозу для России, Кейо Корхонен предлагает предсказать реакцию США на гипотетическое формирование Китаем «Организации Северотихоокеанской безопасности» с включением в нее Мексики, Гватемалы и островов Карибского моря и размещением на этой территории ракетных вооружений и военно-воздушных баз «конечно же исключительно в мирных и прогрессивных целях». Цитируя И. В. Сталина, заявившего в ходе советско-финляндских переговоров в Москве осенью 1939 г. о невозможности изменить географию, автор указывает на близость Прибалтийских стран и Финляндии к Санкт-Петербургу, Москве и внутренним областям между двумя этими крупнейшими центрами России. Профессор Корхонен подкрепляет свои размышления словами бывшего президента К. Ю. Паасикиви: «Будь Россия сколь угодно сильной или слабой, она всегда будет достаточно сильна для Финляндии», отмечая, впрочем, что нынешнее финское руководство «не слушает мудрых людей», забыв историю страны и ничему не научившись. Угроза же для Финляндии не существует до тех пор, пока она сама ее не создаст, присоединившись к НАТО. По словам автора, сейчас

«наступает интересное время, когда договор общего характера начнут конкретизировать в оперативных планах, в которых будет определено, «где, что и сколько» солдат и военных структур Североатлантического альянса будет размещено на территории Финляндии» [1; 23, 24].

7 января 2015 г. К. Корхонен обратился с включенным в памфлет письмом к подписавшему договор генералу Я. Линдбергу, предложив ему поставить себя на место «русского генерала» в Москве или штабе Ленинградского военного округа, и задав вопрос: «какие упреждающие меры Вы предприняли бы в связи с непосредственной угрозой центральным областям России, создаваемой договором между НАТО и Финляндией?». Ответ очевиден: «как профессиональный военный Вы хорошо знаете, что русский генерал» получит ответы на вопросы «где, что и сколько», а Москва – сведения об оперативных планах, «вероятно, еще до того как они станут известны в Хельсинки»; русский генерал начнет предпринимать упреждающие меры для применения их в соответствии с ситуацией, исходя из того, что захват территории, как это было во второй мировой войне, для отражения угрозы со стороны сил НАТО, оперирующих в Финляндии, не является необходимым, как и проведение сухопутных операций на ее территории: не потребуются применять воздушно-десантные войска, силы специальных операций и даже военно-воздушные силы.

Удар по представляющим опасность для России объектам будет нанесен «ракетами с боеголовками достаточной мощности для поражения целей: аэродромов, железнодорожных узлов, районов сосредоточения войск, штабов, арсеналов и складов ГСМ, радиолокационных станций и систем связи». Для выполнения этой задачи ракетное оружие будет размещено недалеко от финской границы: у Санкт-Петербурга, на Карельском перешейке, северо-восточнее Ладожского озера, в районе Мурманска и на Кольском полуострове, в соответствии с географией размещения объектов НАТО.

Профессор Корхонен отмечает, что побочным результатом этого удара станут «как говорят американцы... сопутствующие жертвы», т.е. «десятки тысяч гражданских лиц, что не будет интересовать ни руководство НАТО, ни правительство России, так как каждая из сторон на первое место будет ставить собственную безопасность». Такой упреждающий удар может быть нанесен до начала военных действий, в угрожающий период, и «уничтожение используемой НАТО инфраструктуры Финляндии» не обязательно приведет к началу масштабной ядерной войны. В завершение письма Кейо Корхонен задает риторический вопрос: «Господин генерал, что в этой ситуации Вы предпримете для защиты территории Финляндии» [1; 27–29].

В разделе памфлета «**Меморандум о взаимопонимании и его значение**» Маури Нюгорд анализирует то, как НАТО может трактовать этот договор, представляет аргументы его критиков и определяет различия между Меморандумами, подписанными Финляндией и Швецией. Согласно тексту документа, прибывающие в Финляндию войска НАТО будут подчиняться командованию альянса, что исходно противоречит законам государства, прежде всего конституции; Меморандум также предусматривает полноценное применение в Финляндии доктрины НАТО, а принимающая сторона обязана принимать войска альянса либо по взаимному согласию, либо в соответствии с односторонней декларацией НАТО, что нуллифицирует высказывания МИД страны о единоличном праве Финляндии приглашать войска альянса для оказания ей помощи [1; 31–35].

Размышляя о сути Меморандума, автор приходит к заключению, что договор заключался исключительно в интересах НАТО, так как Финляндия обязывается в соответствии с ним поддерживать операции, включая возможное нападение на Россию и удар по Санкт-Петербургу, что автоматически будет означать превращение ее территории в театр военных действий. Если это будет в интересах НАТО, альянс может применить одно из положений доктрины о Помощи принимающей стороне (1.5 HNS Mission) не только без согласия правительства Финляндии (At a time mutually agreed to by the nations involved **or upon NATO declaration...**), но и даже вопреки его воле. Нюгорд отмечает, что подписав Меморандум, НАТО стал господствовать на южном и северном побережье Финского залива, а Санкт-Петербург оказался «в глубоком мешке», что без сомнения, «будет принято во внимание военными стратегами в России». Для Финляндии наилучшим выходом из этой ситуации стал бы выход из договора [1; 35–37].

Нюгорд отвергает официальную позицию правительства Финляндии, заключающуюся в том, что

парламент страны предварительно одобрил Меморандум, поскольку был ознакомлен с докладами о политике и обороне, подготовленными и разосланными всем депутатам Государственным советом с 2001 по 2012 год. Изучив доклады 2001 и 2012 года, автор не нашел в них упоминаний ни о помощи принимающей стороне со стороны НАТО, ни и о перспективе подписания Меморандума о взаимопонимании, хотя в 2012 году заседал тот же состав парламента, что и во время подписания договора 4 сентября 2014 года. Мнение Нюгорда подтвердил в своем блоге 31 августа 2014 года бывший глава канцелярии Государственного совета Финляндии Ристо Воланен, заявивший о том, что ему не известно «об обсуждении договора о помощи принимающей стороне, которое бы проводилось в правительственных кругах с мая 2003 по июнь 2010 года» [1; 39].

Критики Меморандума считают, что высшие должностные лица⁵ государства должны быть привлечены к суду⁶ за нарушение конституции Финляндии. Процедура привлечения к ответственности высших должностных лиц за нарушение конституции, принятой в 2000 году, из-за отсутствия Конституционного суда в Финляндии сложна, и предполагает созыв т.н. Государственного суда⁷, который могут инициировать конституционная комиссия парламента, назначаемый президентом республики канцлер юстиции и парламентарский омбудсмен по вопросам юстиции. Нюгорд отмечает, что между ведущими политиками Финляндии и блюстителями законности по этому вопросу имеется «само собой разумеющееся взаимопонимание». После 22 апреля 2014 года в адрес канцлера юстиции Яакко Йонкка поступило девять обращений с заявлением о совершаемых государственными деятелями Финляндии преступных деяниях, связанных с нарушениями конституции республики. Все они были отклонены канцлером на основании первого параграфа статьи 94 конституции⁸, так как по его мнению парламента обсуждает и ратифицирует только межгосударственные, а не политические договоры. Обратив внимание на часть фразы параграфа – «или в ином виде имеют важное значение», – Нюгорд задал вопрос, который задают все критики Меморандума: «какое другое решение за последние годы, если не считать Лиссабонский договор, имеет такое же значение для государства, как договор о Поддержке принимающей стороны?» [1; 40, 41].

Значимость Меморандума, по мнению автора, заключается в том, что с точки зрения НАТО Финляндия практически является членом альянса и его союзником; в свою очередь, оборонительная доктрина России определяет НАТО и его стремление к расширению как наибольшую угрозу, соответственно, подписав договор, Финляндия также стала представлять собой угрозу для России. Судьба Санкт-Петербурга, находящегося теперь «в окружении» диктует России необходимость так организовать оборону города, чтобы избежать повторения его блокады; во второй мировой войне сохранявшая свободу принятия решений⁹ Финляндия не участвовала в операциях против Ленинграда, Меморандум же обязывает ее «как минимум оказать поддержку войскам НАТО, если они нанесут удар по Санкт-Петербургу через территорию Финляндии», что, с точки зрения России легитимизирует упреждающий ракетный удар по целям на финской территории. Меморандум нарушает действующий договор с Россией¹⁰, которая считает эту ситуацию «преднамеренной провокацией», что портит существующие отношения и вредит экономическим интересам Финляндии. Поскольку Меморандум не зарегистрирован в ООН¹¹, Финляндия лишена права обращаться в международные суды или в ООН, в случае, если НАТО будет толковать договор выгодным для себя образом. Меморандум также является нарушением программы правительства Финляндии, в которой говорилось об отсутствии планов подготовки членства в НАТО в период его полномочий, что было подтверждено и в резолюции комиссии по обороне финского парламента, не осведомленной о действиях правительства. Констатируя, что после ратификации договора Швецией¹² Балтийское море станет «внутренним морем НАТО», Нюгорд задает риторический вопрос «Господину Канцлеру»: «а это имеет важное значение?», учитывая, что согласно букве доктрин НАТО, после подписания договора войска альянса могут прибыть в Финляндию после простого уведомления властей [1; 42-44].

Нюгорд обращает особое внимание на прямой обман парламента со стороны правительства еще в начале обсуждения положений протокола о поддержке принимающей стороны, к которому Финляндия и НАТО приступили весной 2010 года, задолго до украинского кризиса. В меморандуме министерства обороны Финляндии, составленном 19 мая 2010 года для парламентарской комиссии по обороне указывался предмет переговоров – только условия проведения учений сил НАТО на территории страны. Меморандум содержал положение о необходимости ратификации протокола¹³ в случае, если его положения будут касаться сферы законодательства. Автор отмечает отсутствие у правительства

полномочий, полученных у парламента, для подписания Меморандума, хотя проблема и обсуждалась в парламентских комиссиях, и указывает на необходимость предварительного выхода из договора об основах отношений с Россией, подписанного 20 января 1992 года, поскольку Меморандум нарушает его положения¹⁴. На необходимость полноценного парламентского обсуждения указывают также профессор Пекка Висури и бывший министр юстиции и парламентский омбудсмен по вопросам юстиции Якоб Сёдерман, обративший внимание на подчиненность войск НАТО, которые будут находиться на территории Финляндии, верховному командованию альянса, а не национальному военному командованию, что, по его мнению, как минимум, требовало обсуждения в конституционной комиссии парламента [1; 48, 49].

Нюгорд называет четыре причины спешки, с которой Меморандум был подписан: проистекающее из кризиса на Украине желание США создать угрозу для России; завершающийся срок полномочий правительства правых в Швеции¹⁵; предотвращение обсуждения этого вопроса в парламенте Финляндии, т.е. подписание договора до начала осенней парламентской сессии; желание финских политиков¹⁶ подписать Меморандум именно на саммите НАТО в Уэльсе, хотя это можно было сделать и в ходе обычной рабочей поездки командующего оборонительными силами Финляндии в Брюссель [1; 51-52].

В разделе памфлета **«Законодательство Финляндии корректируют с учетом потребностей НАТО»** Риика Сёуринг указывает на прямую связь между Меморандумом о Поддержке принимающей стороны и заключенным между Финляндией и НАТО в июле 2012 года соглашением о безопасности информации, по условиям которого стороны могут засекретить документы, касающиеся безопасности, в том числе и для членов комиссии по обороне парламента Финляндии. Автор обращает внимание на специфику процесса законодательного оформления положения, сложившегося после подписания и немедленного вступления в силу договора: правительство не стало инициировать принятие закона, ограничившись формированием рабочей группы из представителей различных министерств с участием уполномоченного от НАТО для разработки и внесения изменений в действующие законы Финляндии, включая конституцию. Суть изменений, внесенных в конституцию в 2011 году, заключается в предоставлении исполнительной власти в лице Государственного совета права издавать, минуя парламент, постановления о введении в действие «иных международных обязательств»¹⁷, что по мнению Сёуринг означает «удавшийся переворот». Вывод автора заключается в том, что по причине неприятия финским обществом членства в НАТО правительство Александра Стубба представило договор о Поддержке принимающей стороны как политический документ, который «фактически не является международным договором», проведя его мимо парламента вопреки конституции, государственному устройству и законодательству [1; 55-60].

В разделе **«Как это возможно?»** Антти Песонен задается вопросами: «как возможно то, что известные во всем мире своей образованностью финны позволяют вести себя за веревку как бараны?», и не был ли прав Ф. М. Достоевский, заявивший, что «финны являются не государствообразующим народом, а строительным материалом для великих держав». Руководителю Партии независимости непонятно, почему Финляндия отказалась от своей денежной единицы, марки, без референдума, в отличие от Дании и Швеции, сохранивших свою валюту в результате народного волеизъявления; и почему имеющие общенациональное значение решения все чаще принимаются правительством вопреки воле большинства населения страны.

Песонен находит ответ на этот вопрос в истории Финляндии, в течение столетий занимавшей подчиненное положение в составе двух империй, что не могло не сказаться и на менталитете современного поколения финнов. Вступив в Евросоюз, Финляндия заняла привычное для себя подчиненное положение в качестве пограничной окраины новой великой европейской державы, Евросоюза. Заметив, что Финляндия является «чужой птицей» в стае бывших великих держав, из «которых преимущественно и состоит Евросоюз», автор отмечает присущее для населения бывших империй качество – чувство собственного достоинства (которого лишены финны), – цитируя одного из европейских представителей, заявившего в ходе переговоров о вступлении Финляндии в ЕС: «одно качество у вас, финнов, отсутствует, великодержавный менталитет».

Направление развития Финляндии, по мнению Песонена, изменилось в 1980-х гг., что частично

объясняется новым подъемом либерализма и последующим распадом СССР, приведшем к ликвидации альтернативного капитализму советского проекта и превращению ставшей бутафорской демократии в «прислужника крупного капитала», а в Финляндии – к прекращению независимости, продолжавшейся неполных 80 лет¹⁸ [1; 191, 192].

Потребность объяснить нынешнее неудовлетворительное состояние политической жизни страны обусловило обращение Песонена к размышлениям о неизвестном широкой публике за пределами Финляндии явлении, структурной коррупции – промедление с принятием законов и других актов, приносящее выгоду определенным сторонам, распределение власти, должностей и общественных фондов по политическим основаниям – что формально не нарушает законы и может быть даже выгодно для бизнеса. Хорошо знакомый с миром внутренней политики Финляндии автор заявляет, что вся политическая система страны «пронизана структурной коррупцией»: находящимся у власти партиям и связанным с ними организациям¹⁹ выделяются общественные финансовые средства, они требуют жесткой внутривнутрипартийной дисциплины, распределяют должности по политическим основаниям и манипулируют средствами массовой информации. Все это означает, что открытая публичная дискуссия по проблемам, обсуждение которых не отвечает интересам власть предержащих, не может вестись.

Введенная в 1970-х гг. система финансовой поддержки партий за счет налогоплательщиков должна была обеспечить их независимость от бизнеса. В настоящее время бизнес самым активным образом финансирует парламентские партии, которые также получают от государства почти 40 млн евро в год, что, по мнению Песонена, сделало их независимыми не только от рядовых граждан, но и от рядовых членов. Сложилась парадоксальная ситуация – партии могут покупать голоса избирателей за счет выплачиваемых ими же налогов, чему способствует контроль крупных партий над основными СМИ. Установленный статьей 29 конституции²⁰ запрет на партийную дисциплину для депутатов в парламенте партиями сплошь и рядом нарушается. В итоге воля народа не может оказывать воздействие на содержание политических решений, поскольку власть предержащие ориентируются на интересы бизнес-элиты, а не избирателей, от которых политическая элита не зависит. В результате, по данным Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) Совета Европы, по структурной коррупции Финляндия находится на уровне Белоруссии [1; 192, 193].

Песонен сообщает еще об одном источнике финансирования парламентских партий Финляндии – их «скрытой поддержке» со стороны профсоюзов, один из которых только в 2008 году перечислил СДПФ и Союзу левых почти 400 тыс. евро. Непарламентским партиям такое финансирование не полагается. Структурной коррупцией является и еще один находящийся за пределами публичной дискуссии способ финансирования парламентских партий – отчисление в их пользу средств строительными фирмами при землеотводе и получении разрешений на строительство в крупных городах. К этой же категории, по мнению Песонена, относится и способ действий влиятельных СМИ, покровительствующих находящимся у власти политическим силам и парализующих дискуссии по возможным альтернативным решениям острых социально-экономических и общественно-политических проблем. Все это свидетельствует о невозможности проведения в Финляндии честных выборов, демотивирует избирателей принимать в них участие²¹ в отсутствие реальной политической конкуренции, обеспечивает недопуск новых партий в публичное информационное пространство и устанавливает правила нечестной политической борьбы. Песонен завершает раздел мыслью о давно назревших в Финляндии «реформах, проведение которых оттягивается» в условиях «культуры умолчания, подчиненности и структурной коррупции», и которые неизбежно начнутся в ближайшем будущем, когда прорвется накопившееся напряжение [1; 195-199].

Список литературы:

Näin Suomea viedään. VS-kustannus, Alajärvi, 2015. 258 s.

[1] Меморандум был составлен только на английском языке в нарушение дипломатической традиции составления международных договоров на языках государств, их подписывающих.

[2] Основана в 1994 г. под названием Союз свободной Финляндии. Трижды исключалась из перечня политических партий Финляндии (1999, 2007 и 2015). В 1996-2008 гг. на муниципальных выборах провела в местные органы власти в общей сложности 13 представителей, не смогла добиться

успеха на выборах в парламент Финляндии и Европарламент. Официальный сайт: <http://ipu.fi/>

[3] В настоящее время не издается.

[4]

<http://anttipesonen.puheenvuoro.uusisuomi.fi/185645-ipu-kaansi-naton-isantamaasopimuksen-mou-suomeksi>

[5] В этой связи показательно, что Меморандум о взаимопонимании был подписан не членом правительства, министром обороны Финляндии Карлом Хаглундом, а командующим оборонительными силами Финляндии, государственным чиновником более низкого ранга, незаконные действия которого не могут рассматриваться специальным Государственным судом.

[6] Памфлет содержит судебный иск, с которым обратились Маури Нюгорд и Матти Аалто с просьбой расследовать действия финского правительства, поставившего под угрозу право Финляндии на самоопределение согласно статье 12 Уголовного кодекса Финляндии [1; 253–257].

[7] За всю историю независимой Финляндии Государственный суд созывался всего 4 раза: в 1933, 1953, 1961 и 1993 г.

[8] «В ратификации Эдускунты нуждаются договоры и иные международные соглашения, содержащие такие предписания, которые касаются сферы законодательства или в ином виде имеют важное значение, или которые в соответствии с Основным законом по какой-либо другой причине нуждаются в ратификации Эдускунты. В согласии Эдускунты нуждаются также такие соглашения при их расторжении». URL: <http://www.uznal.org/constitution.php?text=Finland&language=r>

[9] Весьма относительно до 19 сентября 1944 года – Ю.К.

[10] Договор между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об основах отношений. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901000>

[11] Канцлер юстиции Яакко Йонкка обосновал свой отказ созвать Государственный суд еще и тем, что Меморандум не был зарегистрирован в ООН, что, по его мнению, уменьшает значимость этого договора.

[12] Ратифицирован 25 мая 2016 года.

[13] 4 сентября 2014 года договор был подписан в форме меморандума.

[14] Статья 4 Договора: <http://docs.cntd.ru/document/1901000>

[15] Выборы в парламент Швеции прошли 14 сентября 2014 года, после чего партии правоцентристской коалиции «Альянс за Швецию» перешли в оппозицию и было сформировано «красно-зеленое» правительство левых сил во главе с Социал-демократической рабочей партией.

[16] В саммите НАТО приняли участие президент Финляндии Саули Ниинистё и министр обороны Карл Хаглунд.

[17] Статья 95 конституции Финляндии (неофициальный перевод): «Введение в силу международных обязательств. Входящие в сферу законодательства предписания международного договора и иных международных обязательств вводятся в действие законом. Иные международные обязательства вводятся в действие постановлением». (1112/2011). URL: <http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/ru19990731.pdf>

[18] Т.е. с 6 декабря 1917 года до 1 января 1995 года, вступления Финляндии в Евросоюз.

[19] Из средств лотереи Veikkaus молодежным организациям ведущих партий ежегодно выделяется более 10 млн евро, из которых молодежные организации коалиционной, социал-демократической партий и партии Центра получают более 1 млн каждая, остальным, как пишет автор, достается «меньше или крошки». Кроме того, еще один финский лотерейный монополист RAY ежегодно выделяет миллионы евро организациям прямо или опосредованно связанным с ведущими политическими партиями, что Песонен считает одним из примеров структурной коррупции.

[20] <http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/ru19990731.pdf>

[21] В 1962 году участие в парламентских выборах приняли 85,1% избирателей, в 1991 году – 72%, в 2015 году – 70,1%. URL: http://www.vaalitutkimus.fi/fi/aanestysaktiivisuus/aanestysprosentit_eduskuntavaaleissa.html

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Меморандум был составлен только на английском языке в нарушение дипломатической традиции составления международных договоров на языках государств, их подписывающих.

[2] Основана в 1994 г. под названием Союз свободной Финляндии. Трижды исключалась из перечня политических партий Финляндии (1999, 2007 и 2015). В 1996–2008 гг. на муниципальных выборах провела в местные органы власти в общей сложности 13 представителей, не смогла добиться успеха на выборах в парламент Финляндии и Европарламент. Официальный сайт: <http://ipu.fi/>

[3] В настоящее время не издается.

[4]

<http://anttipesonen.puheenvuoro.uusisuomi.fi/185645-ipu-kaansi-naton-isantamaasopimuksen-mou-suomeksi>

[5] В этой связи показательно, что Меморандум о взаимопонимании был подписан не членом правительства, министром обороны Финляндии Карлом Хаглундом, а командующим оборонительными силами Финляндии, государственным чиновником более низкого ранга, незаконные действия которого не могут рассматриваться специальным Государственным судом.

[6] Памфлет содержит судебный иск, с которым обратились Маури Нюгорд и Матти Аалто с просьбой расследовать действия финского правительства, поставившего под угрозу право Финляндии на самоопределение согласно статье 12 Уголовного кодекса Финляндии [1; 253–257].

[7] За всю историю независимой Финляндии Государственный суд созывался всего 4 раза: в 1933,

1953, 1961 и 1993 г.

[8] «В ратификации Эдускунты нуждаются договоры и иные международные соглашения, содержащие такие предписания, которые касаются сферы законодательства или в ином виде имеют важное значение, или которые в соответствии с Основным законом по какой-либо другой причине нуждаются в ратификации Эдускунты. В согласии Эдускунты нуждаются также такие соглашения при их расторжении». URL: <http://www.uznal.org/constitution.php?text=Finland&language=r>

[9] Весьма относительно до 19 сентября 1944 года – Ю.К.

[10] Договор между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об основах отношений. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901000>

[11] Канцлер юстиции Яакко Йонкка обосновал свой отказ созвать Государственный суд еще и тем, что Меморандум не был зарегистрирован в ООН, что, по его мнению, уменьшает значимость этого договора.

[12] Ратифицирован 25 мая 2016 года.

[13] 4 сентября 2014 года договор был подписан в форме меморандума.

[14] Статья 4 Договора: <http://docs.cntd.ru/document/1901000>

[15] Выборы в парламент Швеции прошли 14 сентября 2014 года, после чего партии правоцентристской коалиции «Альянс за Швецию» перешли в оппозицию и было сформировано «красно-зеленое» правительство левых сил во главе с Социал-демократической рабочей партией.

[16] В саммите НАТО приняли участие президент Финляндии Саули Ниинистё и министр обороны Карл Хаглунд.

[17] Статья 95 конституции Финляндии (неофициальный перевод): «Введение в силу международных обязательств. Входящие в сферу законодательства предписания международного договора и иных международных обязательств вводятся в действие законом. Иные международные обязательства вводятся в действие постановлением». (1112/2011). URL: <http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/ru19990731.pdf>

[18] Т.е. с 6 декабря 1917 года до 1 января 1995 года, вступления Финляндии в Евросоюз.

[19] Из средств лотереи Veikkaus молодежным организациям ведущих партий ежегодно выделяется более 10 млн евро, из которых молодежные организации коалиционной, социал-демократической партий и партии Центра получают более 1 млн каждая, остальным, как пишет автор, достается «меньше или крошки». Кроме того, еще один финский лотерейный монополист RAY ежегодно выделяет миллионы евро организациям прямо или опосредованно связанным с ведущими политическими партиями, что Песонен считает одним из примеров структурной коррупции.

[20] <http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/ru19990731.pdf>

[21] В 1962 году участие в парламентских выборах приняли 85,1% избирателей, в 1991 году – 72%, в 2015 году – 70,1%. URL: http://www.vaalitutkimus.fi/fi/aanestysaktiivisuus/aanestysprosentit_eduskuntavaaleissa.html

Review of the dook näin Suomea viedään [in this way Finland is being dragged (into a military alliance)]. Vs-kustannus, Alajärvi, 2015. 258 P.

**KILIN
Yuri**

*Doctor of Historical Sciences,
Director of the Institute of Northern European Studies of
PetrSU Head of the Department of World History, Political
Science and International Relations,,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, kilinyuri@mail.ru*

Keywords:

*

Summary:

*

Рецензия на кн.: *Analysing social policy concepts and language. comparative and transnational perspectives*, ed. by D. Beland, K. Petersen. BRISTOL: POLICY PRESS, 2015. 327 P. («Анализ концепций и языка социальной политики. Сравнительные и транснациональные подходы» под ред. Д. Беланда и К. Петерсена)

**СМИРНОВА
Александра
Александровна**

*преподаватель,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений, Институт истории,
политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия,
alexandrasmirnova11@gmail.com*

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 27 декабря 2016 года

В последней четверти XX в. изучение языка и концепций, используемых в различных сферах жизни, стало привлекать все более пристальное внимание представителей общественных наук. Все чаще признается связь между идеями, языком, властью и управлением обществом. Еще одной тенденцией, сохраняющейся уже многие десятилетия, являются исследования, преодолевающие дисциплинарные рамки для формирования более полного понимания социальных явлений. Представленная книга соответствует этим тенденциям.

В 2014 году издательство «Policy Press» опубликовало коллективную монографию, главным замыслом которой стало развитие новой исследовательской повестки дня — сравнительного анализа языка социальной политики. В 16 главах этой книги анализируется история развития наиболее популярных терминов и концепций социальной политики в 14 странах ОЭСР, находящихся в четырех регионах мира (Европа, Северная Америка, Азия и Австралия). Отдельное внимание уделяется вкладу в развитие дискурса о социальной политике международных организаций — ОЭСР, ЕС, МВФ и Всемирного банка. В заключительной главе содержатся выводы о закономерностях развития концепций и языка социальной политики, а также даются рекомендации для дальнейшего изучения этой темы.

Написанием этой книги занимался международный коллектив из 22 авторов, а в качестве редакторов выступили Дэниел Беланд и Клаус Петерсен. Д. Беланд является профессором кафедры общественной политики им. Джонсона-Шойамы университета провинции Саскачеван, а также участником программы профессоров-исследователей Канады (Canada Research Chairs Program (CRCP)). В настоящее время он специализируется на изучении исторического развития социальных программ и компаративных исследованиях социальной политики. К. Петерсен — директор Центра изучения социального обеспечения университета Южной Дании. В сферу его научных интересов входят семейная и пенсионная политика, политическая история Северных государств, а также сравнительные исследования термина «государство всеобщего благосостояния» (welfare state). На момент написания книги все авторы имели публикации, посвященные социальной политике, многие проводили собственные компаративные исследования. Большинство членов авторского коллектива

Смирнова А. А. Рецензия на кн.: *Analysing social policy concepts and language. comparative and transnational perspectives*, ed. by D. Beland, K. Petersen. BRISTOL: POLICY PRESS, 2015. 327 P. («Анализ концепций и языка социальной политики. Сравнительные и транснациональные подходы» под ред. Д. Беланда и К. Петерсена) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 70-75.
~~специализируется на социологических и политологических исследованиях, однако некоторые из них~~
занимались изучением социальной политики с точки зрения истории, политэкономии, мировой политики, гендерных исследований и методологии сравнительных исследований. При этом, поскольку над большинством глав трудилось более одного автора, излагаемый материал сбалансирован и разнообразен.

В начале книги авторы заявляют о том, что исследователи нередко жалуются на расплывчатость терминов, связанных с социальной политикой. Это, в частности, касается такого понятия как «государство всеобщего благосостояния» (*welfare state*). Авторы книги согласны с другими современными исследователями в том, что термины, концепции и метафоры, используемые для коммуникации в сферах общественной жизни, являются результатом политической борьбы и международного обмена идеями. Поэтому изучение терминологии, концепций и языка социальной сферы является значимым элементом политического анализа [1; 1]. Они отмечают, что современные исследования, как правило, фокусируются либо на идеях, либо на проблемах терминологии, либо на истории концепций. В книге предпринимается попытка объединить эти три подхода. Более того, авторы настаивают на том, что исследование идей и языка социальной политики не должно быть ограничено одной дисциплиной или одним теоретическим подходом.

Поэтому авторы формулируют общий посыл исследования — «слова имеют значение» [1; 4] — и договариваются под языком социальной политики понимать «семантическое поле, в котором концепции, язык, идеи, дискурсы и нарративы связаны между собой в непрерывной борьбе по вопросам социальных программ» [1; 6].

В главах данного исследования авторы в первую очередь рассматривают историю концепции «государства всеобщего благосостояния». Анализируются и смежные концепции, такие как «социальная защита» (*social security*) и «общество всеобщего благосостояния» (*welfare society*). Подавляющее большинство концепций социальной политики имеют западноевропейское происхождение, и коллективное исследование показывает, что многие понятия, связанные с социальным обеспечением, относятся к внутренней политике Германии XIX века, в то время как сам термин «*welfare*» («социальное обеспечение» или благосостояние) происходит от древнорвежского «*velferd*». В книге подробно описывается, каким образом на формирование языка повлияла политика стран, исторический контекст и взгляд на значение социальных программ. К примеру, в конце XIX века в Дании и Швеции помощь социально незащищенным гражданам оказывалась не столько государством, сколько филантропами, общественными и религиозными организациями. Это привело к появлению эмоционально окрашенных терминов — «акты милосердия и сострадания» или «благотворные дела» (*Kærlighedsgerninger* в Дании и *kärlekshandlingar* в Швеции), «забота» (*omsorg*) «дома» (*hjemmet, hemmet*) и т.д. Уже в 1920—1940-е годы, когда государство в этих странах начало играть главную роль в сфере социальной политики, ключевые концепции стали основываться на таких понятиях как «социальные права» и «народ» (*folk*), а «политика социального обеспечения» стала распространенным термином [1; 15—18]. После Второй мировой войны в странах «западного блока» получили развитие концепции «государства всеобщего благосостояния» и социальной защиты (*social security*), нередко выступавшие в качестве альтернатив социализму. Несмотря на то, что этот период, продлившийся до 1970-х годов, считается временем расцвета государств всеобщего благосостояния, в книге приводятся многочисленные примеры негативной коннотации этого термина, а также периоды, когда даже социал-демократические партии избегали его использования. Семидесятые годы XX века связаны с кризисом концепции государства всеобщего благосостояния и началом международного перехода к неолиберальной политике и риторике. В это время на язык начинают оказывать влияние идеи конкурентоспособности, стимулов для работы, приватизации социальных услуг, а также свободного выбора граждан и ограничения государственного вмешательства. В результате сформировались концепции, основанные на рыночной риторике. В социальную политику были внедрены такие термины как «потребители услуг», «активизация населения», «социальные инвестиции» и «*flexicurity*»¹. На международной арене стали продвигаться идеи «модернизации» и «развития» более бедных стран. На смену «государству всеобщего благосостояния» (*welfare state*) пришло «общество благосостояния» (*welfare society*), — на практике этот переход подразумевал уменьшение социальных обязательств государства. Благодаря глобализации, интеграционным процессам и деятельности международных организаций увеличилась интенсивность обмена идеями, произошло сближение дискурсов.

В рамках данного коллективного исследования авторы пришли к ряду выводов. Было подтверждено, что язык социальной политики развивался в тесной связи с политическими событиями и во многом определялся именно государственными институтами. В качестве политических факторов,

Смирнова А. А. Рецензия на кн.: *Analysing social policy concepts and language. comparative and transnational perspectives*, ed. by D. Beland, K. Petersen. BRISTOL: POLICY PRESS, 2015. 327 P. («Анализ концепций и языка социальной политики. Сравнительные и транснациональные подходы» под ред. Д. Беланда и К. Петерсена) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 70-75.
~~повлиявших на трансформацию языка и концепций социальной политики, анализируются революции и~~
перевороты, соперничество политических сил внутри государств, отношения между странами Британского Содружества, а также холодная война и сопутствующие ей антикоммунистическая или антикапиталистическая риторика.

Благодаря изучению языка социальной политики государств и организаций было обнаружено, что одинаковые термины имели различное значение в разных государствах и в разные периоды. При этом одно из наиболее стабильных значений «государства всеобщего благосостояния» было обнаружено в Германии («Sozialstaat»). Наиболее «плавные» трансформации просматриваются в государствах, которые были изначально преданы идеям государства всеобщего благосостояния и избежали революционных потрясений. В них развитие языка социальной политики происходило посредством эволюции смыслов и наслаивания новых концепций на старые. Это, прежде всего, относится к Северным странам (главы 1 и 8). Гораздо более сложный путь прошел язык социальной политики стран «восточного блока» (глава 2), в которых несколько раз происходила смена курса социального развития, а также в странах Азии (главы 10 и 11), которые неоднократно меняли отношение к западной концепции «государства всеобщего благосостояния». В большинстве западных стран понятие «государства всеобщего благосостояния» трактовалось (чаще всего социал-демократами) либо как положительный вектор развития страны, либо как отрицательный. В последнем случае критиковалось чрезмерное вмешательство государства и воспитание пассивного общества. Интересно, что в таких странах как Польша, Венгрия, Япония и Корея можно найти еще одно распространенное значение этого понятия — государство всеобщего благосостояния как идеал развития общества, который может быть реализован только после достижения необходимых экономических показателей в будущем. Представляется, что эта трактовка применяется и в нашей стране.

В последней главе книги авторы указали на три важных аспекта, которые необходимо учитывать при дальнейшем изучении этой проблематики:

(1) Концепции первостепенной и второстепенной значимости групп, получающих социальную помощь. Так, ни одно государство не избежало деления групп граждан на «заслуживающих» и «не заслуживающих» социальной поддержки. При описании второй группы граждан нередко использовались концепции «социального паразитизма» и «культуры зависимости» (*dependency culture*). Очень часто на восприятие этих групп влияла гендерная и этническая принадлежность, этот момент наиболее подробно расписан в главах, посвященных США (глава 15) и Новой Зеландии (глава 13). Отчасти этому дискурсу противостояла французская концепция «солидарности» (*solidarité*).

(2) Национальные и транснациональные закономерности развития языка социальной политики. В представленной книге рассказывается, что именно Германия в XIX веке стала эпицентром развития социальной политики в Европе и за ее пределами. При Отто фон Бисмарке в ней впервые были введены программы социальной помощи, которые оказали влияние не только на политику близлежащих стран, таких как Венгрия и Дания, но и на более отдаленные государства, например, Японию. На развитие скандинавских идей социальной политики оказали влияние британские концепции, в свою очередь, при разработке своей системы социальной помощи Финляндия равнялась на страны Скандинавии. На международное представление о государстве всеобщего благосостояния повлияло создание и распространение понятия «Северная модель» (*Nordic Model*), сочетающего элементы экономического развития, равенства, социального прогресса и значительного вмешательства государства в распределение социальных благ. В книге также описывается роль США и Франции в популяризации концепции «социальной защиты» (*social security, sécurité sociale*). Международные организации содействовали распространению концепций модернизации и рыночного подхода к социальной политике, и оказывали влияние на деятельность стран-участниц. При этом авторами не отрицается и влияние дискурсов наиболее сильных государств на риторику таких организаций как ОЭСР, МВФ, Всемирный банк и ЕС.

(3) Политическая борьба за государственную власть. Авторы приходят к выводу о том, что язык социальной политики на всех уровнях формируется в результате противоборства заинтересованных сторон. Наиболее распространенными темами для общественных дискуссий было соотношение государственного и коммерческого сектора в оказании услуг, способы оказания помощи уязвимым слоям населения, вмешательство государства и сохранение независимости индивидов, преимущества универсального и точечного социального обеспечения.

Поскольку данная книга была задумана как введение в сравнительные исследования языка и концепций социальной политики, авторы дают ряд рекомендаций для продолжения исследования этой проблематики. В частности, они призывают к дальнейшему изучению множественных значений

Смирнова А. А. Рецензия на кн.: *Analysing social policy concepts and language. comparative and transnational perspectives*, ed. by D. Beland, K. Petersen. BRISTOL: POLICY PRESS, 2015. 327 P. («Анализ концепций и языка социальной политики. Сравнительные и транснациональные подходы» под ред. Д. Беланда и К. Петерсена) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 70-75.

~~популярных концепций социальной политики. Авторы считают целесообразным продолжить~~ исследование центров и периферий возникновения новых терминов, а также анализ структур, влияющих на распространение языка и идей. Еще одним предложением является изучение языка социальной политики развивающихся государств и стран третьего мира. Наконец, авторы предлагают обратить большее внимание на связь языка социальной политики и стойких форм этнического, гендерного и полового неравенства. Авторы призывают к сочетанию количественных и качественных методов в изучении социальных концепций и языка.

Следует заметить, что представленная книга не лишена небольших недочетов. Как и во многих других коллективных монографиях, в ней наблюдается относительная неоднородность в выборе методов и смысловом наполнении глав. В некоторых главах большее внимание уделяется вопросам языка и семантики, а в некоторых превалирует подход с точки зрения истории идей. В главах практически не указываются теоретические источники, лишь изредка исследователи ссылаются на работы таких авторов как П. Бурдьё, М. Фуко или Б. Андерсон. Главы, посвященные языку социальной политики в Великобритании (глава 6) и ЕС (глава 3), отличаются критической направленностью. В них, соответственно, развенчивается миф о золотом веке «государства всеобщего благосостояния» в Великобритании, а также описываются безуспешные попытки создания языка социальной политики ЕС. В некоторых главах превалирует описание концепций, развитию которых не уделяется столь большое внимание в других главах. К примеру, в главе, посвященной Финляндии (глава 8), значительно большее внимание уделяется концепции «общества» (*yhteiskunta*), чем в других главах. В разделе, изучающем язык социальной политики США (глава 15), гендерные и расовые проблемы освещаются гораздо более содержательно, чем в других главах. В то же время, благодаря этому разнообразию, книга становится более легкой для восприятия, в особенности, для читателя, только начинающего изучение социальной политики. Можно также представить, что выбор единой теории и более строгий анализ одних и тех же концепций могли бы воспрепятствовать раскрытию уникальности каждого примера.

Гораздо более неоднозначным моментом, который нельзя не учитывать, является сложность самого изучаемого предмета, а именно языков, на которых сформулированы концепции. Поскольку анализ и разъяснение концепций осуществляются на английском языке, это накладывает особый отпечаток, как на исследование, так и на распространение дискурса в мире. В главе, посвященной языкам социальной политики в ЕС, Жан-Клод Барбье указывает на тот факт, что при переводе политических терминов и программ на «европейский английский» теряются значительные нюансы. Он приводит пример двух датских социальных программ раннего выхода на пенсию – *fortidspension* и *efterløn*. В документации международных организаций обе программы переводятся на английский как «early retirement», т.е. досрочный выход на пенсию. При этом эти программы имеют существенное различие: *fortidspension* буквально переводится как «ранняя пенсия», она распространяется на людей, потерявших трудоспособность, а *efterløn* состоит из слов «позже» и «зарплата», эта программа предполагает ранний запланированный выход на пенсию для работников с высокой интенсивностью труда [1; 67]. При этом датский и английский языки относятся к одной языковой группе, и, казалось бы, искажения между ними должны быть минимальными по сравнению с более далекими языками.

В заключение стоит сказать, что рецензируемая книга представляет собой успешное масштабное сравнительное исследование, посвященное политической роли идей и языка в управлении обществом. В данной рецензии оцениваются лишь общие закономерности и выводы, к которым пришли авторы, однако книга особенно интересна своими деталями и уникальными подходами к каждому изучаемому примеру. Она может быть интересна ученым, студентам вузов, изучающим общественные науки, а также людям, интересующимся и занимающимся социальной политикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Analysing social policy concepts and language. Comparative and Transnational Perspectives*, Ed. by D. Béland, K. Petersen. Bristol: Policy Press, 2015. 327 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

Смирнова А. А. Рецензия на кн.: *Analysing social policy concepts and language. comparative and transnational perspectives*, ed. by D. Beland, K. Petersen. BRISTOL: POLICY PRESS, 2015. 327 P. («Анализ концепций и языка социальной политики. Сравнительные и транснациональные подходы» под ред. Д. Беланда и К. Петерсена) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2016. № 1. С. 70-75.

~~[1] Термин «flexicurity» произошел от соединения слов «flexibility» (гибкость) и «security» (безопасность) и означает баланс гарантий занятости и гибкости рынка труда. Данный термин впервые был использован в 1990-е годы в Дании и Голландии, а во второй половине 2000-х он вошел в обиход ЕС и ОЭСР. С точки зрения Ж. К. Барбье, в Голландии и Дании эта концепция была результативной, поскольку была направлена на решение конкретных проблем, в то время как в международных организациях «flexicurity» превратилось в «дежурное слово», понимаемое экспертами и чиновниками по-разному [1; 69-71].~~

Smirnova A. Review of the book analysing social policy concepts and language. Comparative and transnational perspectives, ED. BY D. Beland, K. Petersen. Bristol: Policy press, 2015. 327 P. // Studia Humanitatis Borealis. 2016. № 1. P. 70–75.

**Review of the book analysing social policy concepts
and language. Comparative and transnational
perspectives, ED. BY D. Beland, K. Petersen. Bristol:
Policy press, 2015. 327 P.**

**SMIRNOVA
Alexandra**

*Petrozavodsk, Russia,
Lecturer,
Department of World History, Political Science and
International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
alexandrasmirnova11@gmail.com*